

СТАНИСЛАВ ФЕДОТОВ
**ПО ОБЕ СТОРОНЫ
ВРЕМЕНИ**

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Станислав Федотов

По обе стороны времени

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)

Федотов С. П.

По обе стороны времени / С. П. Федотов — «ВЕЧЕ»,
2026 — (Новая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-4484-5519-3

Мир развивается в борьбе Добра со Злом. Так утверждают философы. А ещё они говорят, что добро всегда побеждает. Но разве в жизни не случается порой, когда человек совершает поступок во имя добра, а в результате получается зло?.. Вот и у семейства Балагулов, свободно путешествующего по мирам и временам с миссией добра, однажды случилось подобное. В результате пришлось срочно бежать через портал на свою старую, времён Емельяна Пугачёва, базу, дабы отдохнуть и «поработать над ошибками». А база эта располагалась неподалёку от тихого провинциального городка Угорье. Только «над ошибками» думать – дело взрослое и скучное. Именно так решил юный Кент Балагул, отправляясь втихаря помогать хорошим людям, и натворил столько добра, что остальным пришлось долго расхлёбывать...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5519-3

© Федотов С. П., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

История первая	6
Пролог,	6
Глава 1,	11
Глава 2,	18
Глава 3,	21
Глава 4,	26
Глава 5,	32
Глава 6,	35
Глава 7,	40
Глава 8,	42
Глава 9,	46
Глава 10,	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Станислав Федотов

По обе стороны времени

*Моим внукам Варе и Даше,
правнучкам Анюте и Алисе*

Серия «Новая библиотека приключений и научной фантастики»

© Федотов С.П., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

История первая Откуда ангелы берутся?

Пролог, *в котором приоткрывается мир без добрых людей*

Фургон мчался по глинистой, усеянной щебёнкой дороге, проваливаясь колёсами в многочисленные выбоины и подскакивая на ухабах. Женщина-возница нахлёстывала и без того старательных лошадей, которые уже не бежали, а скакали, едва не выпрыгивая из постромок. Оглядываясь назад, сквозь струи дождя она видела преследователей. Те приближались медленно, но верно, напоминая стелющуюся по земле чёрную тучу, в которой проблескивали молнии pistolетных выстрелов, а до спасительных врат было ещё далеко. Их скрывал перелесок, который только что на несколько секунд вспыхнул зелёным пламенем под лучами глянувшего в облачную дыру солнца. Да, не близко! Хорошо ещё, пули просвистывают мимо...

– Маманя! – кричал в фургоне сын. – Мы её не удержим, она же бешеная!

– Надо удержать, сынок! Зачем же мы тогда её спасали?!

...Они даже не знали, какое настоящее имя у этой несчастной, объявленной ведьмой и приговорённой к сожжению на площади Альсдорфа, маленького немецкого городка, оказавшегося на их пути. Хозяин корчмы, в которой они остановились передохнуть, сказал им о завтрашнем событии с довольной ухмылкой на толстощёком лице:

– Повезло вам, уважаемые! В удачное время приехали. Не каждый день у нас сжигают молодую ведьму.

Корчмарь говорил подчёркнуто любезно, поскольку, несмотря на скромную одежду, женщина не торгуясь заплатила за лучшую комнату и стол первого разряда. А её сын, бурш, хоть и глядел угрюмо и не снял широкополую шляпу, из-под которой торчали рыжие вихры, был всё-таки вежлив и учтив.

Мать почувствовала, как при последних словах хозяина сын вздрогнул, напрягся, уловила его желание ввязаться в ссору и долгим взглядом утихомирила. Спокойно спросила корчмаря:

– Чем же она провинилась?

– А какая разница? – удивился тот, расставляя на столе глиняные тарелки с варёным мясом и овощами. – Ведьма и есть ведьма – этого достаточно! – И добавил высокопарно: – Сожжение нечистой силы – акт высшей справедливости.

Поглядел, ожидая, как отнесутся к этому приезжие. Женщина кивнула, не прерывая еды, – то ли одобрительно, то ли просто подтверждая, что услышала. Запила мясо глотком вина, спросила:

– Кто она? Как зовут?

– Да мне не интересно. Кажется, пришлая. Приговор прочитают, и всё будет ясно.

– А не боитесь, что сбежит? У вас такой маленький город, что и тюрьмы, наверное, нет.

– Не сбежит, – ухмыльнулся корчмарь. – Подвал в ратуше надёжный.

– Подвал – это хорошо, – согласилась женщина. – Из подвала даже ведьма сбежать не сможет.

– Я и говорю! – Корчмарь оглянулся на скрип входной двери и заторопился: – Прошу извинить, уважаемая фрау, я должен обслужить...

– Да-да, идите, исполняйте свой долг.

Корчмарь устремился к новым клиентам. Сын подождал, пока он отойдёт, и спросил вполголоса:

– Ты думаешь, она невиновна?

– Как и все другие, которых удалось спасти. – Мать задумчиво отщипывала от лепешки кусочки и отправляла их в рот. – А ты что думаешь, отец?

– Вы и так знаете, что я думаю. – Глуховатый низкий мужской голос, казалось, исходил от стола. – Пойду разведу обстановку, а вы не забудьте что-нибудь взять для меня. Лучше всего жареного мяса с хлебом. Ну и выпить чего-нибудь. Мозельского предиката.

– Ишь ты, – усмехнулась женщина. – А у тебя губа не дура.

– Jedem das Seine, – откликнулся голос. – Каждому своё.

– Тебе бы всё пословицы да поговорки, – сказал сын. – Лучше поостерегись.

– Чья бы корова мычала... Ладно, постараюсь.

Мать и сын обедали не спеша, слушая разговоры посетителей, постепенно заполняющих Esszimmer, столовый зал корчмы. А те, естественно, говорили о главном – завтрашней казни. Впрочем, казнь сожжение ведьмы никто не считал. Говорили как о городском празднике, какого не было со времени последней ярмарки; стуча пивными кружками, спорили о том, на чём ведьма попала. Одни утверждали, что она околдовала сына бургомистра, который сбежал с собственного бракосочетания с дочкой первого богатея и его никак не могут найти. Другие с пивной пеной у рта доказывали, что от одного её взгляда так скисает вино в кувшинах, что его пить невозможно. Третьи... четвёртые... да что там считать! В разгорячённом алкоголем шуме не слышалось ни одного голоса в защиту юного создания, единственно виновного лишь в том (как это стало понятно из утверждений спорящих), что уродилось оно слишком красивым и независимым.

– Эй, хозяин! – позвала мать, когда они закончили трапезу. Корчмарь, несмотря на шум, услышал, тут же подскочил к их столу. – Мы идём отдыхать. Пришли нам в номер пару бутылок мозельского предиката, мяса жареного и хлеба. На полдник.

– Слушаюсь, уважаемая фрау! – осклабился тот. – Через час вас устроит?

– Устроит. И постарайся, чтобы нам никто не помешал, – она кивнула на горлающих посетителей. – Да не забудь про лошадей.

Хозяин клятвенно заверил, что все будут довольны – и постояльцы, и их лошади. И даже фургон, поставленный под крышу двора.

Через час в номер было доставлено блюдо с кусками жареной свинины и ломтями серого хлеба, а также две бутылки высокосортного вина. По крайней мере, его таковым назвал мальчик-слуга, принёсший заказ.

Сын открыл бутылку, понюхал, поморщился и кивнул, соглашаясь. Мать расплатилась и накрыла блюдо чистой тряпицей.

В номере было две кровати, стол без скатерти и две табуретки. Сын снял мягкие чуваки и шляпу и лёг на кровать, прикрыв шляпой лицо, а мать села к столу, подпёрла голову рукой и стала ждать. И довольно быстро задремала.

Так прошло ещё около часа. Дверь приоткрылась, видимо, от сквозняка, потому что никто в комнату не вошёл, но вторая табуретка вдруг сдвинулась и скрипнула, явно под какой-то тяжестью. Тряпица слетела с мяса, сложилась вчетверо и легла на стол рядом с блюдом, негромко хлопнула пробка, открывая вино. Бутылка запрокинулась, забулькала, потом встала на место.

Женщина встрепенулась, открыла глаза и радостно улыбнулась:

– Наконец-то!

Сын, очевидно, спал, потому что никак себя не проявил.

– Ну, что скажешь? Удалось что-то узнать?

– Удалось-то удалось... – Голос мужчины внушал тревогу.

– А что такое?

– Из подвала её вывести не получится: стены слишком толстые, да и пространство вокруг, похоже, замкнуто защитой. Бреши я, как ни старался, не нашёл. Придётся действовать завтра на виду у всех.

– Так, может, оставим всё как есть? Мы ведь одни не можем всех спасти.

– Всех не можем. А эту девочку спасём. Есть у меня план, но сперва надо закусить...

К полудню для костра всё было готово: вкопан в землю небольшой столб, к нему прибита подставка для ног сжигаемой и приставлены две лестницы для подельников палача, которые привяжут несчастную к столбу; заготовлены и две большие кучи хвороста и дров – их должно хватить для обращения человека в пепел.

Место казни по кругу огорожено стойками с верёвками: это – особая забота бургомистра, чтобы зрители слишком близко не подходили к огню. В одном месте ограждение не смыкалось: здесь оставлен проход или проезд для повозки с осуждённой. Всё, как говорится, предусмотрено, всюду – немецкий порядок.

Зеваки начали собираться загодя, к назначенному магистратом времени площадь уже кишела народом. Многие пришли целыми семьями, и дети шныряли между взрослыми, играя в салки или просто балуясь.

Было празднично и весело.

Часы на ратуше пробили двенадцать, и шум толпы усилился. Матери прибрали к рукам беспокойную ребятню. Все взоры обратились в ту сторону, откуда должна была появиться процессия. Она и появилась – из ворот в ограде двора за ратушей. Впереди шёл священник с большим крестом и три монаха в капюшонах. За ними двигалась одноконная высокая повозка с приговорённой; лошадь вёл под уздцы ещё один монах. Ведьма стояла, держась за боковые перекладины повозки, широкий серый балахон скрывал фигуру, распущенные золотистые волосы волнистыми ручьями сбегали по плечам. За спиной у неё стоял палач, а на дне повозки сидели два подельника – все в масках.

Девушка глядела прямо перед собой, но зрителям показалось, что она ничего не видит. Глаза её были пусты: наверное, предстоящая казнь уже лишила их жизни. Однако неожиданно что-то в них блеснуло, и это были не слёзы.

– Мама, посмотри, что там? – крикнул какой-то мальчик, показывая пальцем на крышу дома напротив ратуши.

Мать, а вместе с ней ещё несколько зевак повернули головы и остолбенели. Держась за высокую дымовую трубу, на крыше стоял ангел. Он был в белом одеянии, белые кудри ниспадали на плечи, за которыми виднелись белоснежные крылья.

– А-а-аххх! – единым вздохом пронеслось над площадью.

Люди неистово стали креститься, кое-кто упал на колени, никто уже не обращал внимания на повозку с ведьмой. А там творилось тоже нечто непонятное. Подельники палача внезапно кубарем вылетели прямо на мостовую. У самого палача подкосились ноги, словно кто-то ударил его под колена, и он упал головой в солому, устилавшую дно повозки. А ведьму подняла неведомая сила и понесла по воздуху к ангелу, простёршему ей навстречу белые руки.

Девушка взвизгнула, дёрнулась, но тут же поникла, очевидно, покоровшись судьбе.

Повозка остановилась. Священник и монахи заметались, не зная, что предпринять.

– А-а-а! Это же чудо! Ангел-спаситель! – завопила женщина в толпе. – Она не ведьма!

И толпа подхватила:

– Это чудо!.. Она не ве-е-дьма-а-а!.. Невино-о-вная-а-а!..

Ангел принял спасённую, обнял и тут же едва не уронил, поскользнувшись на черепичном скате. Однако удержался, подхватил девушку за талию и понёс над домами в сторону городских ворот.

Толпа взвыла от восторга и помчалась туда же по главной улице. Она двигалась, немного опережая ангела, но неподалёку от ворот дорогу загородили несколько конных чёрных рейтар в доспехах и при полном вооружении.

– Стоять! – поднял руку один из всадников, видимо, командир. Толпа с трудом затормозила. – Кто такие, куда бежите и зачем?

– Мы – свободные граждане, – крикнули из первых рядов. – А вот вы – кто такие и что тут делаете?

– Нас нанял бургомистр на случай бегства ведьмы.

– Тогда смотрите!

Рейтарам показали на небо. Ангел и девушка в развевающихся одеждах как раз пролетели мимо. И надо же было такому случиться – слишком резкий порыв ветра запутался в длинных белых волосах ангела и сдёрнул их с его головы, обнажив рыжие вихры, хорошо заметные на фоне быстро надвигавшейся дождевой тучи.

– Ух ты-ы-ы! – завопил корчмарь, оказавшийся в первых рядах. – Да это ж мой постоялец! Выходит, он сам колдун, ведьмак!..

Командир рейтар выхватил из седельной кобуры пистолет допельфаустер, прицелился и выстрелил. Попал не попал, но ангел с девушкой резко пошли на снижение и исчезли за краем городской стены, видневшейся в конце улицы.

– Догнать и схватить! – приказал рейтарам командир и первый поскакал вперёд.

– Догна-а-ать!.. Сже-е-ечь!.. – завопила толпа и ринулась следом.

И тут из налетевшей тучи хлынул дождь. Да не просто дождь, а самый настоящий июльский ливень. Словно на небесах рухнула дамба, удерживающая голубое море, и вода устремилась в прорыв.

Рыжий «ангел» и девушка с ходу влетели в фургон, дожидавшийся за городскими воротами, закрытыми по случаю казни, ибо привратники тоже люди и тоже хотели праздника, потому и ушли на площадь. Толпившиеся снаружи люди – конные, пешие, возницы, жаждущие попасть в город, – в шуме, гаме и толкотне даже не заметили скольжения с небес странной пары. Мать, сидевшая на облучке фургона, хлестнула двух пегих лошадок, и те с места рванули рысью.

Городские ворота начали приоткрываться. Жаждущие прохода и проезда в город ринулись внутрь и создали невообразимую толчею, которая затормозила рейтар и следующих за ними горожан. Когда те и другие наконец вырвались на свободную дорогу, фургон был едва различим за пеленой дождя.

А в самом фургоне в это время шла нешуточная борьба.

– Пустите меня! – орала девица, вырываясь из рук «ангела» и норовя выскочить наружу.

– Маманя! – кричал рыжий. – Мы её не удержим, она же бешеная!

– Ах, я ещё и бешеная?! Убери руки, дурак!

– Успокойся, мы же спасли тебя, – уговаривал её «ангел».

– Кто вас просил спасать?! Вы мне сорвали представление! Я бы им показала!

– Как это?! – откровенно изумился рыжий.

– А вот так! – Девица крутанула свободной рукой, и рыжий сделал сальто-мортале, едва не свернув себе шею. – И вот так! – Она нацелила указательный палец на висевшую на крючке широкополую шляпу, и огненная струя тотчас прожгла в ней дыру. – И ещё много как!

– Нет, вы видели?! – только и смог произнести «ангел». – Она не бешеная, она – настоящая ведьма!

– Настоящая, – подтвердил мужской голос. – Я сразу понял, как только выдернул её из повозки. И она не только настоящая, но ещё и злая ведьма. Ведьма воды! Это ты запустила дождь? – обратился он к девушке.

– Ну, я, – успокоившись, заявила та. – Они бы и костер не смогли разжечь. А сейчас на мокрой глине кувыркаются. Если бы не дождь, они бы нас мигом догнали. – И засмеялась.

Рыжий не сводил с неё восхищённых глаз. Девушка подмигнула ему, скорчив смешную рожицу.

– А вообще-то спасибо! Вам столько пришлось потрудиться!

Она потянулась и поцеловала рыжего в щеку, которая тут же запыхала смущённым румянцем.

– Потрудиться-то, пожалуй, придётся ещё. – При этих словах невидимого мужчины задний полог фургона отклонился сам собой, открыв картину по-прежнему ползущей под дождём тучи преследователей, потом так же опустился. – А как тебя зовут, красотка?

– Барбара. – Девушка почему-то смутилась. – Вы не думайте, я в долгу не останусь.

– Да нет никакого долга, – буркнул рыжий. – Считай, что мы просто развлеклись.

– А я про вас слышала. От матушки, когда маленькая была. Она рассказывала, что ходит по земле странное семейство доброхотов, старается помогать добрым людям, но не всегда это у них получается. Я слушала как сказку, потому что знаю: нет в нашем мире добрых людей. – Глаза Барбары странно блеснули, губы исказила злая усмешка. – Я, как вы сказали, злая ведьма, а с чего мне быть доброй? Матушку сожгли, обвинив в колдовстве, а она не была колдуньей. Хозяйство наше разорили, мы с отцом едва успели спастись. Потом и отца убили. А я выросла и научилась колдовству у одной настоящей очень сильной ведьмы, научилась, чтобы мстить за всё!

В проём переднего полога просунулась мокрая голова матери:

– Ну как тут у вас? Успокоились? Мы в лесу, врата уже близко. А погоня не отстаёт. – И исчезла.

– Я не пройду врата, они меня не пустят, – грустно сказала Барбара и посмотрела на рыжего. – Так жалко с вами расставаться...

– Врата пропустят, – не согласился невидимка, – но в тебе сейчас много злой энергии. Она в переходе тебя разорвёт.

– ...а сюда вы не вернётесь... – договорила девушка.

– Да уж вряд ли, – сказал невидимка. – Но я помогу тебе, потом нагоню своих.

– А куда вы направляетесь? – спросила Барбара.

– Есть такое местечко в России – Угорье называется.

– Про Россию слыхала. Там на ведьм не охотятся и не сжигают. А Угорье... странное название...

– Горы неподалёку, потому и называется У-горье. У нас там усадьба для отдыха. У Тихого омута, – пояснил рыжий.

– А это ещё что за словечко?

– Ну-у, омут – это глубокое место на быстрой реке. Рядом течение крутит, а в омуте всё спокойно. В России говорят: «В тихом омуте черти водятся».

Рыжий выглянул наружу:

– Вроде бы оторвались...

– Пора. Давай, Барбара, прыгай!

– Сейчас. – Барбара обняла рыжего, шепнула в ухо: – Ещё встретимся?

– Хотелось бы. – Рыжий чмокнул девушку куда-то в шею.

– Прощай, мой добрый ангел! – усмехнулась Барбара. – Я тебя не забуду.

– И я тебя! – горячо выдохнул рыжий.

Глава 1, *в которой в Угорье появляется странное семейство*

– Даша-а!

Звякнул сигнальный колокольчик. В дверь магазинчика «Тодасё» просунулась девчачья рожица с облупленным носом и весёлыми глазами, над которыми золотым облачком светились кудряшки.

На звонок из подсобки вышла хозяйка магазина, моложавая женщина небольшого росточка. В одной руке она держала кружку с молоком, в другой – надкушенный маковый бублик. Время было обеденное.

– Тебе чего, Варя? – сделав большой глоток из кружки, спросила она. – Заходи, коли пришла.

Варя бочком проскользнула внутрь и встала у двери.

– Здравствуйте, тётя Таня. Я к Даше.

– Молока хочешь? Холодненькое! – Варя отрицательно мотнула головой, а тётя Таня откусила от бублика, прожевала, запила и только тогда продолжила: – Дашка отпросилась. Тут мне бинокль привезли на продажу, так она его ухватила и ускакала к себе на вышку. Так с утра там и сидит. Кажется, с Севкой, он там что-то мастрячит.

– Я тогда пойду?

– Иди, иди. Только учти: Пётр Иваныч по двору гуляет. Будь осторожна!

– Спасибо, буду. – Варя снова скользнула в приоткрытую дверь, теперь наружу, в полуденную июльскую жару.

На вышку, а проще говоря чердак, можно было попасть только из сеней жилого дома семейства Антоновых. Дом, большой, приземистый, стоял позади магазина; между ними был просторный двор, кое-где поросший мягкой муравой, а с правой стороны двора, за штaketником, и далее за домом раскинулся обширный огород. Огромность его очень удивляла Варю. Она жила в областном центре, в Угорье приехала на каникулы к бабушке, у которой было почти такое же «сельское хозяйство», и бабушка целыми днями что-то там полола, прореживала, окучивала. Варя попробовала ей помогать, но быстро устала. Впрочем, её никто не неволил: хочешь отдыхать – отдыхай.

С Дашей Антоновой Варя подружилась сразу, с первой встречи на киносеансе в Доме культуры. Их места оказались рядом. Смотрели «Аватар», испереживались так, что схватились рука за руку и, не разнимая, просидели до самого конца. Потом бродили по тихим улицам Угорья. Познакомив новую подругу с родным городком, Даша открыла ей потаённый пляж на речке Сандайке, куда не заглядывали городские – ни ребята, ни взрослые. Там они купались, загорали и болтали о том о сём – благо оказались ровесницами: обе в этом году окончили шестой класс. Вот только Дашу немного смешило, а иногда и сердило, что Варя нет-нет да и вставляла в разговор словечки из тех, какими пользуются геймеры – любители компьютерных игр. Сама Даша ими не баловалась, предпочитала говорить о прочитанных книжках и простых домашних заботах. Но и Варя в долгу не осталась:

– У тебя самой столько мусорных словечек!

– Это каких же? – взъерошилась Даша.

– Да хотя бы «ёшки-матрёшки».

– Это да, – вздохнула Даша. – Но с ними как-то веселее. Ладно, говори свои, только чтобы я тебя понимала.

На том и порешили.

А когда Варя пришла к подруге в гости, довелось познакомиться с Петром Ивановичем, который почему-то сразу невзлюбил её и при каждом удобном случае норовил устроить какую-нибудь пакость.

Варя подошла к калитке и заглянула во двор усадьбы. Ничего подозрительного не увидела. На крыльце, поднятом на три ступеньки над землёй, пусто; дверь в сени закрыта, чтобы не пускать в дом уличную жару. В дальнем углу двора, в загородке, два поросёнка-подростка, деловито хрюкая, рыли подкоп под эту самую загородку. Возможно, готовили побег. В тени навеса тесной кучкой расположились куры. Петра Ивановича не видно. Наверно, тоже отдыхает где-нибудь в тенёчке.

Варя вошла во двор и осторожно сделала пару шагов к дому. И тут началось!..

Она услышала за спиной орлиный клёкот и замерла. Конечно, Пётр Иванович по определению не должен издавать такие звуки, однако Варя сразу поняла: это он! Медленно, очень медленно повернула голову, удостоверилась, что не ошиблась, и, дико взвизгнув, рванула к дому. Однако Пётр Иванович оказался проворней и хитрей. Он мог бы сразу показать противной девчонке, кто тут хозяин, и выгнать её за ворота, но не стал мелочиться. Ему захотелось громкой победы. Поэтому он обогнал Варю, резко затормозил и развернулся к ней. Как говорится, лицом к лицу.

Варя тоже тормознула, да так, что едва не упала, и тут же торопливо оглядела двор в поисках чего-либо подходящего для обороны. Заметила метлу-голик, которую кто-то после уборки двора прислонил к огородному штакетнику. Но до метлы ещё надо было добраться, а Пётр Иванович уже готовился к сражению. Он весь встопорчился, шаркал ножками, из горла вырывалось нечто воинственное – в общем, всем своим видом давал понять: кому-то сейчас не поздоровится!

Варя отступила на шаг, повернулась влево, будто собиралась бежать в ту сторону, а сама со всех ног припустила направо, к метле. Противник, обманутый её начальным движением, замешкался всего лишь на мгновение, но это мгновение решило исход схватки. Взъярённого Петра Ивановича встретил хорошо растрёпанный голик. Атака захлебнулась. Петух – а это был именно он, глава куриного семейства, да и, можно сказать, всего хозяйственного двора, – от неожиданности взлетел, хлопая крыльями и хрипло ругаясь. Варя ловко поддала ему метлой под хвост, отчего разноцветные перья развернулись веером, как у павлина, и резко увеличилась подъёмная сила, так что Пётр Иванович неожиданно для себя оказался на огороде, где его хозяин, Дашкин папа Сергей Андреевич, а попросту дядя Серёжа, пропальывал грядку моркови. Да не просто оказался, а обрушился подобно штурмовику, вернее сказать, свирепому дракону, точнёхонько на соломенную шляпу дяди Серёжи.

Старший Антонов увлечённо занимался «сельским хозяйством» и даже не заметил, что в трёх шагах от него идёт беспощадное и безжалостное сражение. Петух же в своём кратком полёте не только не остыл – наоборот, к его боевому духу добавилось возмущение беспардонным оскорблением метлой на глазах всего двора, ему хотелось рвать и метать... да-да, рвать и метать! Что он немедленно и привёл в исполнение. Зря, что ли, природа дала ему крепкий клюв и острые когти! В одну секунду от шляпы дяди Серёжи остались жалкие клочки, а Пётр Иванович в заключительном аккорде крепко клюнул хозяина в лысеющее темечко и, распустив крылья для равновесия, пустился наутёк через грядки и картофельные ряды, где и затаился в густой ботве.

Но Варя не увидела триумфального завершения битвы. Избавившись от грозного соперника, она отбросила метлу, ринулась к крыльцу и через три-четыре секунды уже взлетела на вышку.

Даша, и верно, была не одна. За рабочим столом, заваленным техническим хламом, сидел и что-то паял закадычный Дашкин друг и верный товарищ Севка Дегтярёв. Сама Даша пристроилась у раскрытого слухового окна и в большой бинокль рассматривала окрестности.

Тут надо пояснить, что вышка не была обычным чердаком, куда сваливают всякое ненужное барахло. Старший Антонов оборудовал здесь универсальную мастерскую. Для дочки и, конечно, для себя. Сергей Андреевич был учителем труда в Угорьевской средней школе и слыл мастером на все руки. За что бы он ни брался, всё выходило складно да ладно. Вот, к примеру, мебель в доме и магазине была сконструирована и сработана им самим. Само собой, не без помощи Даши, которой очень нравилось заниматься с отцом чем-нибудь конкретным.

Не чурался Сергей Андреевич и электроники: ремонтировал телевизоры и радиоустройства любого вида – в этих делах толковым помощником стал Сева, с детсадовских лет друживший с Дашей. Вот и сейчас Дегтярёв корпел над какой-то электронной штучкой: на вышке пахло плавленной канифолью, лёгкий дымок вился над паяльником.

Варя ворвалась на вышку, шумно дыша – от пережитой схватки с Петром Ивановичем и от бега вверх по крутой лестнице.

– Ты чего, ёшки-матрёшки, такая заполошная? – не отрываясь от бинокля, спросила Даша. – Петька достал?

– А чего он на меня агрится? Севку небось не трогает! – Варя вдруг стало так обидно, что она даже всхлипнула и села на табуретку.

– Агрится – это что: злится? – спросила Даша.

– Да-а!..

– Мы с ним друзья с цыплячьего возраста, чего ему злиться? – важно сказал Севка и отложил паяльник. – Даш, у меня готово, можно тестировать.

– Щас, погоди... – пробормотала Даша.

Варя уставилась на приборчик в руках приятеля, и слёзы её моментально высохли. Интере-е-сно, похоже на микрофон, с какими певцы выступают, только этот с какой-то приставкой. Вообще-то Севка постоянно занимается чем-то необычным, вот и на этот раз он наверняка «замастрячил» (как говорит тётя Таня) что-нибудь новое, никем не придуманное.

– Что это, Сев? Как это? Для чего это? – вопросы посыпались, как семечки из порванного кулька.

– Погоди, сейчас узнаешь, – отмахнулся тот. – Ну ты чего, Даш? Давай уже!

Даша, не оборачиваясь, поманила ребят к окну и подала бинокль Севке:

– Посмотри-ка на дорогу. По-моему, там что-то странное.

Варя дорогу видела хорошо и без бинокля. Поэтому даже не обиделась, что подруга подала бинокль не ей. Она втиснулась между боковым косяком окна и Дашей и стала разглядывать, что же такого там странного, а значит, интересного.

Усадьба и магазин Антоновых располагались у дороги, ведущей в Угорье. А может, из Угорья – это как посмотреть. В сотне метров от магазина к дороге подходил просёлок – мало-наезженная колея. И вот на этой развилке сейчас стоял фургон – чем-то крытая большая телега. Варя видела такие в кино про американских индейцев. В фургон была впряжена пара лошадей, наверно, тоже по-американски. Может, конечно, и не по-американски, но не по-русски, это уж точно: Варя никогда не видела, чтобы у телеги была одна оглобля. Правда, с рождения живя в областном городе, Варя и телег-то видела совсем мало, но таких – никогда. Пегие лошадки помахивали головами и хвостами: наверно, отгоняли мух, оводов и паутов, которых жарким летом расплодилось видимо-невидимо. На облучке фургона сидел паренёк лет семнадцати в клетчатой рубаше и широкополой, похожей на ковбойскую, шляпе, сдвинутой на затылок. Из-под неё выбивались рыжие вихры. Лицо его Варя поначалу тоже показалось странным – длинное, с большим носом и перекошенным ртом. «Прям как у Квазимодо», – подумала Варя. Квазимодо она видела по телику. Но через мгновение рот паренька стал нормальным: похоже, он просто кривился от укуса какого-нибудь крылатого кровопийцы. У задних колёс фургона высокая черноволосая женщина разговаривала с полицейским. На обочине дороги лежал велосипед. В Угорье у полиции была всего одна машина, старенький уазик, на нем ездил начальник

отделения майор Владыкин, по прозвищу Шериф. Остальные полицейские, а их было трое или четверо, Варя точно не знала, передвигались либо пешком, либо на своих велосипедах.

– Рамон кого-то задержал. Ничего особенного, – сказал Севка, опуская бинокль.

Варя сразу его ухватила и принялась разглядывать – то паренька, то женщину с полицейским. Полицейский был красивый парень с шевелюрой, как у какого-то молодого киноартиста. А женщина – обыкновенная, только лицо уж больно суровое.

– Ну да! – возразила Даша. – С чего бы Рамон стал кого-то задерживать? Они же вон хотят свернуть к Тихому омуту, а туда же никто не ездит.

– Наверно, поэтому Рамон их и задержал. Чего им там понадобилось? Усадьба старая, никто не живёт. Я туда как-то заглядывал...

– Без меня? – ревниво вскинулась Даша.

– Ты болела, – спокойно ответил Сева. – Прошлой осенью.

– И чего ты там углядел, ёшки-матрёшки?

– Да много чего. Как-нибудь потом расскажу. Давай лучше астротелефон тестировать.

– Вот на них и протестируем! – ткнула пальцем за окно Даша. Она явно осталась недовольна тем, что Севка чего-то недоговаривает, но сдержалась. – Расстояние – самое то!

Сева пожал плечами:

– Давай.

Он взял со стола приборчик с торчащим микрофоном и двумя шнурами, одним шнуром с вилок подключил его к электрической розетке, другим – к старому транзисторному приёмнику, выставил микрофон в окно и подкрутил ручку настройки. Из приёмника зазвучали два голоса – хриловатый женский и чистый молодой мужской.

– ...в Тихом омуте заброшенная усадьба, – это слова Рамона, полицейского.

– Усадьба наша, семейства Балагулов, – устало сказала женщина. – Нас долго не было, но она не заброшенная.

– Ну-ну, разберёмся...

Даша хлопнула Севу по плечу и показала большой палец: молодец, мол! Тот улыбнулся и хотел выключить устройство, но Даша придержала. И не напрасно: разговор у развилки становился интересным.

– А документы имеются? – спросил вкрадчиво полицейский, словно на допросе преступника, уличая его во лжи.

– Какие ещё документы? – удивилась женщина.

– А такие – о том, что усадьба именно ваша, что вы не рейдеры.

– Кто мы? Какие такие рейтары?! – в голосе женщины послышались злые нотки.

– Не рейтары, а рейдеры. То есть самозахватчики. Есть у вас бумаги о том, что усадьба ваша?

– А-а, эти... Само собой, имеются. Кент, подай господину городовому бумагу, что нам в губернии выписали.

– Айн момент, муттерхен, – отозвался паренёк на облучке.

Он повернулся, откинул полог, и ребята увидели, как из фургона сама собой вынырнула большая сумка прямо ему в руки. Паренёк буркнул что-то вроде «вердамт!», порывшись в сумке, вытащил листок и подал женщине, а та передала его Рамону.

Полицейский принял документ, а сам глянул на Кента:

– Вы из Германии, что ли?

– Почему из Германии?

– Да паренёк ваш по-немецки говорит.

– А он не только по-немецки может, к языкам очень даже способный.

– Ага, ну-ну, разберёмся...

А Кент широко зевнул, словно не о нём шла речь, и взялся за вожжи. Кони мгновенно учуяли предстоящее движение и дёрнулись было вперёд, но парень сказал: «Штеен!», и умные животные остановились.

– Ну, смех да и только, на бумаге-то ничего не написано, – вдруг сказала Варя, глядя в бинокль. Рамон стоял боком, листок в его руках был хорошо освещён и виден наблюдателям на вышке. Тем более при двадцатикратном увеличении.

Даша выхватила у подруги бинокль.

– Ёшки-матрёшки! – ахнула она. – Бумажка из школьной тетрадки, вон даже линейки видны. И чего её Рамон так долго разглядывает? Там же ни единого словечка! Севка, глянь!

Она передала бинокль Севе, тот поглядел, пожал плечами и вернул Даше со словами:

– Гипноз. Я читал, что Мессинг в юности так обманул контролёров на железной дороге. Подал им кусочек картона, и они поверили, что это билет.

– Класс! – восхитилась Даша. – Это что же получается? А получается, что Балагулы эти никакие не хозяева усадьбы, а самые настоящие мошенники! Мы должны их разоблачить!

Тем временем Рамон вернул листок женщине, откозырял и взялся за велосипед. Похоже, претензий у него больше не было.

– Не спеши, – сказал Сева. – Разоблачить всегда успеем. А вот то, что они могут гипнотизировать – это здорово! Может быть, ещё и не то умеют – надо хорошенько разузнать.

Фургон тронулся. Женщина пошла рядом. Из приёмника донеслось «Нно!», скрип колёс и лошадиное фырканье: фургон свернул на дорогу к Тихому омуту. Послышался разговор.

– А быстро фатер нас нашёл. Не успели соскучиться, – это насмешливый голос паренька.

– А где он сам-то? Спрятался, что ли? – удивилась женщина и заглянула сзади в фургон.

– Да тут я, тут. Отдыхаю, – басовито откликнулся глухой мужской голос.

– Ну, слава богам, вернулся! Лихо ты нас догнал.

– Не так уж и лихо. Четыре дня по дорогам рыскал.

– Ладно, отдыхай, отец, отдыхай.

Женщина прикрыла полог и прошла вперёд, к лошадям.

– Мамань, а за нами подсматривали... – Парень посмотрел на дом Антоновых.

– Знаю. С чердака, в трубки подзорные.

– Она же в нашу сторону даже не глянула! – удивилась Варя.

Сева хмыкнул:

– Может, у неё боковое зрение острое...

– Не трубки, а бинокль, – неожиданно поправил женщину тот же мужской голос.

– Всё-то ты, фатер, знаешь! – съехидничал Кент. – Все науки превзошёл, ни одну не пропустил.

– Отец наш – учёный! – уважительно сказала женщина. – А вот сын...

– А сын – оболтус, который никак не может понять, что ученье – свет! – ввернул невидимый «фатер».

– Мне света и без ученья хватает, – проворчал Кент.

– Где же он, этот учёный? – бормотала Даша, не отрываясь от бинокля. – Хоть бы высунулся из фургона – посмотреть на него.

– А у этого городского матушка болеет, – задумчиво сказал неведомый «фатер». – Люди они хорошие, сразу видно, надо бы помочь.

– Попросят – помогу, – откликнулась женщина.

– А ты не жди, пока попросят, – мужчина вроде бы даже рассердился. – Добро без просьбы надо творить. На то мы и Балагулы.

– Мало мы без просьб делов натворили!

– А я не тебе, я Иннокентию говорю...

Голоса их затихали по мере того, как удалялся фургон.

- Хорошо протестировали, – подвёл итог Севка и выключил технику.
- Годнота! – подтвердила Варя.
- Слушай, Варь, – сердито сказала Даша, – ты опять перебарщиваешь со своей продвинутой. Уши вянут.
- Севка усмехнулся. Варя покраснела:
- Да я же не нарочно. Привычка. Дома же всё время с компом, со смартфоном. Да и в школе, если не знаешь сленга, назовут лалкой. Обидно!
- Севка засмеялся:
- Не переживай. У меня тоже сленга хватает. Технического.
- А у Рамона мама, что ли, болеет? – ни к кому не обращаясь, вдруг спросила Даша. – Что-то он ни словечком не обмолвился.
- Болеет, – подтвердила Варя. – Бабуля говорила: совсем не встаёт.
- Она точно знала: дом её бабушки соседствовал с домом полицейского.
- Так вот почему Рамон в полицейские подался, – сказал Сева. – Деньги на лечение нужны, а пением в кафешке много не заработаешь.
- Рамон поёт? – удивилась Варя. – Вот уж не думала!
- Она пребывала в Угорье всего две недели и многого ещё не знала.
- А ты послушай, – посоветовала Даша. – Послезавтра суббота, он вечером как раз петь будет. Он по выходным поёт. И песни у него свои – лучше, чем у звезд московских! Верно, Севка?
- Да, песни классные, – согласился тот. – И музыка не штампованная, и тексты клёвые.
- Да ладно! – отмахнулась Варя. – Откуда вы знаете, у кого какие песни? В Угорье ни интернета, ни мобильных нет. Настоящий медвежий угол!
- Ну, положим, у меня интернет есть, – важно сказал Севка. – Я спутниковую антенну поставил на крыше сарая. Сто каналов ловлю! Так что в курсе и про песни Рамона могу сказать авторитетно.
- Да уж, ты прям знаток всего! – усмехнулась Варя. – Кстати, почему он – Рамон? На испанца ни капельки не похож.
- Много ты испанцев видела, – проворчала Даша. – Рамон – это у него и не имя вовсе, а сценический псевдоним. – Последние слова Даша произнесла с особым нажимом и даже палец вверх подняла, как восклицательный знак. – А зовут его просто – Роман. Ну что, пойдём в субботу, послушаем?
- Говорят, вечером в кафе детей не пускают. Мы же дети! – с грустной язвительностью напомнила Варя.
- Вот ещё! – рассердилась Даша. – Не пускают её! И пускай не пускают! Окна открыты, сиди на улице на скамейке и слушай.
- Даш, я пошёл. У меня дома дел невпроворот. – Севка сложил свой странный микрофон в картонную коробку и поставил на полку.
- А что за дела? – спросила Даша. – Может, помощь нужна?
- Да маме надо калькулятор починить, что-то глючит.
- Сева жил с мамой, она работала в администрации Угорья. Даша в технике ничего не смыслила, поэтому сказала довольно равнодушно:
- А-а, ну тогда иди.
- Пойдите! – возразила Варя. – Вы что, эту штуку, – она показала на коробку, – для подслушивания сделали?!
- Ха! Для подслушивания! – возмутилась Даша. – Стали бы мы для подслушивания делать! Верно, Севка?
- Это – астрофон, – веско произнёс тот. – Но ты, Варя, в чём-то права: за основу я взял схему узконаправленного микрофона и немного её модернизировал.

– А для чего он нужен, этот... астрофон? – почему-то робея от «космического звучания» незнакомого слова, поинтересовалась Варя.

– Ты когда-нибудь слышала, что такое шёпот звёзд? – спросила Даша. Варя отрицательно мотнула головой. – Вот его мы и будем ловить.

Варя кивнула, мол, поняла, хотя на самом деле ей показалось странным: зачем ловить то, что всё равно останется непонятным? Звёзды если и шепчут, так не по-русски же. И ещё спросила, уже в спину уходящему Севке:

– А кто такой Мессинг?

– Ты не знаешь Мессинга? – удивилась Даша. – Сериал был такой, два сезона.

Однако Севка задержался, чтобы ответить:

– Мессинг был гипнотизёр, предсказатель будущего, мысли читал. Можно сказать – волшебник.

– Думаешь, эти Балагулы тоже мысли прочитали? Ну, что мама Рамона больная?

– Может быть, и прочитали. Поживём – увидим.

Глава 2, ***в которой выясняется, что в Тихом омуте не черти водятся***

Иван Коробейников в свои сорок с хвостиком лет слыл в Угорье классным мастером по ремонту бытовой техники, но после закрытия райпромкомбината остался без штатной работы и перешёл «на вольные хлеба». То есть принимал частные заказы, а в свободное время занимался любимым хобби – большим саком ловил рыбу в речке Сандайке. Речка извилистая, неширокая, мелководная, но имелись на её завитках довольно глубокие омуты (Иван говорил: «омутá»), в которых водилась годная для обеденного стола рыба.

В этот июльский вечер Иван добрался до Тихого омута. Так рыбаки, да и вообще все местные жители, называли один из витков Сандайки – пожалуй, самый большой по ширине и самый глубокий. Здесь, на границе течений, где быстрое журчливое сменялось спокойным плёсом, хорошо ловился голавль. Любой рыбак знает, как непросто справиться с голавлём, попавшим на крючок, а Иван слышал, что какой-то счастливчик сумел вытащить почти метровую рыбину, и мечтал зацепить такую же своим саком. Правда, он отлично понимал, что саком такую рыбину не возьмёшь – силы она немереной и сетку запросто может порвать, – но помечтать-то можно.

Поглощённый ловлей, Коробейников и не думал о том, что рядом в лесу находится заброшенная усадьба с нехорошей историей, как вдруг до его ушей донеслись странные звуки. Вообще-то звуки были обычные – стук топора по дереву и молотка по гвоздям, повизгивание пилы, похоже, циркулярной, – он хорошо их знал по работе на промкомбинате, но здесь к ним примешивалось что-то иное, можно сказать, звериное. Будто лесное население вздумало привести усадьбу в порядок. Иван какое-то время старался не обращать внимания, но любопытство взяло верх. Он положил сак на кусты, чтобы сетка подсохла, и полез вверх по травянистому склону к опушке леса, из глубины которого прилетали взбудоражившие воображение звуки.

Пока Иван добрался до трухлявого забора, окружавшего усадьбу, акустическое однообразие заметно изменилось. Мужской хрипловатый баритон запел бодрую песню, наверно, призванную прибавить сил и энтузиазма ремонтной бригаде:

В буднях великих строек,
В весёлом грохоте, огнях и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна учёных...

Песню эту Иван знал по какому-то старому фильму. Самое интересное, что баритон поддерживали два или три грубых баса, но они не выговаривали слова, а только вырёвывали окончания строк. «Прям медведи», – подумал Коробейников, подыскивая подходящую щель в заборе. А когда нашёл и приник к ней – окаменел: подпевали действительно два громадных медведя. В ритме «Марша энтузиастов» один подтаскивал брёвна к станку с циркулярной пилой (он ходил вразвалку на задних лапах, держа в обнимку в передних очередную заготовку), второй укладывал в штабель свежеспиленные доски. Пила работала как бы автономно: брёвна сами ложились на лоток и сами же двигались к режущему диску.

Иван порыскал глазами по обширному двору и окаменел во второй раз: расположившись в сторонке возле горки берёзовых сутунков, парочка бобров заготавливала фигурные столбики – наверное, балясины для перил. Зубы зверьков работали не хуже токарных станков: минута, и очередной столбик готов.

Бобров на Сандайке было немного: испокон веку они обосновались на старой заводи, построили себе несколько хаток. Люди их не трогали – во-первых, запрещено, во-вторых, пользы от них было немало: как говорят, помогали экологии. Но вот чтобы кто-то обучил их столярно-токарному делу – это в голове Коробейникова не укладывалось никаким боком.

Да и медведи – тоже.

Но где же люди? Где скрывается любитель старых маршевых песен? Он, кстати, закончил петь, откашлялся и сказал:

– Хорошие были песни! Теперь такие не поют, а жаль. Ты – человек! А человек – это звучит гордо! И песни надо петь гордые...

– Да что ты заладил, фатер? Гордые... гордо! Я делом занят, петь некогда.

Коробейников поискал Иннокентия и увидел парнишку в клетчатой рубаше и широкополой шляпе, из-под которой выбивались рыжие волосы. Он работал за верстаком в тени дома и не сразу попался на глаза. На верстаке лежала длинная тонкая доска, и парень колдовал над ней, выписывая каким-то устройством вензеля. Дойдя до конца доски, он отложил устройство и поднял дощечку, разглядывая на свет, что получилось. А получились такие кружева, что Коробейников шумно выдохнул и покрутил головой от восторга. И тут же невольно ойкнул, увидев, как узорная доска вырвалась из рук Иннокентия и повисла в воздухе.

– Лепота! – произнёс знакомый баритон, а доска сама собой легла на верстак. – Ты, Иннокентий, всё ж таки не технарь, а художник.

– Вот видишь, фатер, у меня и без учёбы получается красиво, – с нескрываемым ехидством отозвался парень. – А ты сколь наук превзошел, а только и можешь медведями командовать.

– Ты как с отцом разговариваешь, паршивец?!

От невидимой затрешины с Иннокентия на верстак слетела шляпа и сбила устройство на землю. Что-то громко щёлкнуло с последующим звоном, и Коробейников невольно подумал: «Пружина лопнула».

Так оно и оказалось.

– Фатер! – заорал Иннокентий, подхватив с земли пострадавший аппарат. – Ты чего наделал?! Как мы теперь курей выращивать будем? Накрылся вандлер! Где я возьму новую пружину?!

– Да ладно, ладно... – смущённо забормотал баритон. – Ты только не говори мамане, а мы чего-нибудь придумаем. Наверняка в городе какая-нито лавка торгует железной мелочью.

– И что? – не унимался рыжий. – Мне опять бегать и искать? А ты будешь песни гордые распевать?

– Сходим вместе, спросим у кого-нибудь.

– Ага! Представляю, как ты будешь спрашивать.

Коробейников явственно чувствовал, как у него едет крыша, то бишь мозги съезжают набекрень от всего происходящего. Он уже хотел потихоньку ретироваться, как вдруг неведомая сила подняла его над забором, перенесла и поставила рядом с Иннокентием.

Несмотря на аккуратность переноса, Ивана затрясло.

– А мы спросим у аборигена, – громом прозвучал баритон над самым его ухом, и он присел от новой неожиданности.

– Господин... как тебя зовут? – спросил парень и сам ответил: – А, понял: Иван Коробейников. Да не трясись ты, никто тебя не съест. – Иван и впрямь перестал трястись, всё происходящее показалось простым и естественным. – Скажи нам, господин Коробейников, где в Угорье торгуют скобяными товарами? Ну, мелочью железной, пригодной для хозяйства?

– А в магазине Антоновой Тани, – бодро ответил Иван. – «Тодасё» магазин. Он на самом въезде в Угорье стоит. А может, на выезде. В общем, рядом с развилкой, что к вам ведёт. Ну, я пошёл? – заторопился он, желая поскорее очутиться подальше от двора, по которому шастали медведи с пиломатериалами, а бобры заменяли токарный станок.

– погоди, – остановил баритон. – Скажи, мил человек, а каков теперь народ в Угорье? А то мы давно тут не были, всё изменилось...

– Народ? – Иван покрутил головой, не зная, с кем говорить. – Народ хороший. Только живём бедновато, на подножном корму. Работы мало, денег нету. Так я пойду?

– Иди, иди, коли нечего более сказать. Иннокентий, проводи.

Рыжий пошёл впереди, к новым тесовым воротам. «Ишь ты, – подумал Иван, поспешая за ним. – К дому ещё не притронулись, а ворота уже обновили. Хозяева! Как бы на омут лапу не наложили».

– Омут нам ни к чему, – сказал рыжий, не оглядываясь. – Три-четыре рыбки к столу – и ладно.

Ивана прошиб пот: «Мысли, стервец, читает!» Снова стало страшно.

За воротами Иннокентий сказал:

– Сейчас вернёшься к омуту и всё, что тут увидел, забудешь. А рыбки к ужину наловишь вдоволь. Ферштанден?

– Ферштанден, – покорно кивнул Иван, догадавшись о смысле вопроса. – То есть понял. С рыбкой так оно и вышло. С памятью – тоже.

Глава 3, в которой Даша и Варя знакомятся с Кентом Балагулом

В субботу, в семь часов вечера, Варя и Даша сошлись на скамейке под окном кафе с очень оригинальным названием «Ромашка». Кафе занимало часть старого угорьевского Дома культуры и работало, когда в ДК не показывали кино. Тогда его заполняла молодёжь, которой хотелось потусоваться и попрыгать под современную музыку в исполнении местной группы «Хайтек». Вокальной звездой группы и автором многих её песен был Рамон. Так поющего полицейского называло всё Угорье, хотя по паспорту он был просто – Роман Величко.

Из раскрытого настежь окна на улицу вырывался разноголосый шум. Слышно также было, как музыканты настраивают свои инструменты...

– Шас начнут... – зачарованно прошептала Даша.

Варя удивлённо посмотрела на подругу: не иначе как у неё от Рамона крыша едет, прям зомби становится.

– Друзья! – донёсся из окна микрофонный голос.

Шум разом стих. Потом кто-то захлопал, аплодисменты прокатились волной и тоже стихли.

– Сегодня у нас премьера, – продолжил тот же голос. – Новая песня Рамона «Санни». Как вы знаете, Рамон пишет свои песни не просто так, он поёт про нас с вами, и сейчас та, кому посвящена новая песня, находится в зале.

Грянули новые аплодисменты.

– Ёшки-матрёшки, знаю я эту Санни, – сердито сказала Даша. – Ноги от ушей, а сама – дура душой!

– Тебе Рамон нравится, – хихикнула Варя, – вот ты и наговариваешь.

– Он всем нравится, – отрезала Даша. И добавила со вздохом: – Кроме своего Шерифа. Тот вечно на него тару катит. А Санька, точно, – дура!

Варя хотела спросить: «А ты откуда знаешь?» – не про неведомую Саньку, а про Шерифа и тару, но из окна вырвалась замысловатая гитарная импровизация, потом в ней наметился ритм, гитару поддержали ударные, мелодию ручьиисто подхватил аккордеон, и полилась задорная песня:

Не Бэтмен я, не Фантомас – простой мальчишка среди вас,
но я влюблён и чудеса творить умею:
могу вас к звёздам прокатить, могу сквозь время проходить,
всё, что хочу, смогу, но только рядом с нею.

Санни, Санни! Ну, задержись хотя бы раз —
хоть не на час, а на минуту – сделай милость.

Санни, Санни, ты вновь ушла, и свет погас,
как будто в полудённый час внезапно солнце закатилось.

Заслушавшись, Варя забыла про Дашу, а когда спохватилась и взглянула, то даже испугалась: лицо подруги было залито слезами.

– Ты чего, Дашунь?! Ревнуешь, что ли?

– Сама ты ревнуешь! – Даша ладонями вытерла щёки. – Песня клёвая!

– Годнота, – согласилась Варя и, спохватившись, даже плюнула: – Вот привязалось!

– Скажите, ниедлихе мэдхен¹, а Рамон правда может проходить сквозь время?

---

¹ Ниедлихе мэдхен (niedliche Mädchen) – милые девочки (нем.).

Вопрос прозвучал как выстрел над ухом. Варя и Даша вместе вскочили и обернулись: позади скамейки стоял Кент, тот самый парень из фургона. Он по-прежнему был в ковбойской шляпе и клетчатой рубахе с закатанными рукавами.

– Ты... ты... – У Вари не было слов от возмущения – так сильно она напугалась. Зато слова нашлись у Даши.

– Ты что, с приветом? – спросила она, сопя от злости. – Иди куда шёл!

Кент широко улыбнулся, отчего его длинное лицо стало похоже на грушу. Но грушу очень симпатичную.

– Я сюда шёл, к вам. Считаю, что с приветом. – Он протянул руку Даше. – Иннокентий Балагул. Можно просто – Кент. Да вы меня видели. Это ведь вы сидели на чердаке, когда нас Рамон на дороге остановил?

Даша руки не приняла, даже отвернулась, а Варя потянулась и легонько пожала. Рука Кента оказалась жёсткой и холодной.

– Варвара Белова, – сказала Варя. – Да, мы были на чердаке. А как ты узнал?

Кент пристальней взгляделся в неё:

– Барбара?! Ты уже здесь?! И почему такая... другая? – Он тряхнул головой и тут же сильно смутился: – Ой, привиделось...

– Кент Балагул? – Даша криво усмехнулась. – С таким имечком с дуба падают. Или ты – нерусский?

Варя удивилась: она не слышала, чтобы Даша раньше так говорила – грубо и недобро. Но Кент то ли не понял неприязни, то ли не придавал её словам значения – ответил обстоятельно, чётко выговаривая слова, за которыми – Варя точно уловила – скрывалась усмешка:

– С крыши, энтшульдигунг, – нет. С башни Бастилии меня сбрасывали, но я успел сгруппироваться и слевитировал... А вот русский или нет – не знаю, не думал об этом. Но Кент – это...

– Кент, мент, Чимкент – меня не колышет! – оборвала Даша. – Тоже мне – эншульдигун!

– Энтшульдигунг. Это по-немецки «извините», – пояснил Кент. – Мы только что из Германии, я к русскому ещё не совсем привык.

– Так ты – фриц! – фыркнула Даша. – То-то, я гляжу, рыжий, рыжий, конопатый...

– Даш, подожди... – вмешалась Варя. – Кент, когда это тебя с башни Бастилии сбрасывали? Бастилии ведь уже... – Варя быстро посчитала в уме, – ...уже двести двадцать семь лет как нету! Ну ты и вру-у-н! Даш, ты посмотри на него: не с дуба, а с Бастилии рухнул – и столько лет живой!

– Ne stouez pas, – невозмутимо отозвался Кент. Девочки с изумлением уставились на него. Кент перевёл: – Не веришь – не надо. Это по-французски. Мы тогда не Балагулы были, а Косьеры. Вообще-то, мы в разных местах бывали, потому и фамилии были разные. Про нас даже книжки сочиняли. В Америке один такое наколбасил – мы рты пораскрывали! И вдобавок Хогбенами обозвал – обхохочешься!

– Да ладно! – не поверила Даша. – В Америке? Книжки сочиняли?

– Правду говорю. Вот, можешь проверить. – Кент обошёл скамейку, взял руку Даши и приложил к своей груди. – Сердце подтвердит.

– Да пошёл ты! – Даша рванула руку к себе, Кент не выпустил – вышло как-то не очень ловко, суетно, и тут раздался строгий, почти суровый голос:

– Ты чего это, Балагул, руки распускаешь?

Все вздрогнули, Даша не успела выдернуть руку из руки Кента, Варя отступила в сторону, а в центре вдруг оказался Рамон. Никто и не заметил, как он подошёл.

Опомнившись, Даша снова дёрнулась, Кент снова удержал, и тут Рамон решил проявить полицейскую строгость. А может, просто взмахнул рукой, но получилось угрожающе, и Кент мгновенно, отпустив Дашу, выставил раскрытую ладонь. Рука Рамона словно наткнулась на

стену. Варя вдруг отчётливо увидела, как ломаются пальцы, и вскрикнула одновременно с Рамоном: она – от ужаса, а он – от боли. Рамон даже упал на одно колено, подхватив под локоть травмированную руку. Даша бросилась к нему, попыталась помочь, но, видимо, задела сломанные пальцы – Рамон застонал сквозь стиснутые зубы.

– Ты что наделал, немец недоразвитый?! – набросилась Даша на Кента. – Он же играть не сможет! Ты же ему пальцы поломал, квазимодина!..

– А нечего руками размахивать, не на службе городской, – шутливо отмахнулся Кент, однако видно было, что он смущён. – Велика беда – пальцы сломаны! Мне вон в Мадриде чуть голову не отрубили...

– Надо было отрубить! – Даша прямо полыхала от ярости. – Кто ему теперь поможет?!

– Я сломал, я и помогу. Ну-ка, дай гляну.

Кент осторожно помог Рамону подняться – тот не сопротивлялся, с неподдельным удивлением смотрел на странного паренька и слушался беспрекословно. Даша тоже примолкла, а Варя даже села на скамейку – у неё от слов Кента про отрубание головы вдруг ослабли ноги.

Кент ощупал руку Рамона, прогладил каждый палец в отдельности, поправил, потом положил его ладонь на свою, накрыл сверху другой ладонью и легонько придавил.

– Горячо! – охнул Рамон.

– Потерпи, – откликнулся Кент, – и не дёргайся. Минута-две, и будет аллес гут. Кстати, моя муттерхен сейчас твоей занимается... Стоп! Я сказал: не дёргайся!

– Что значит «занимается»? – беспокойно спросил Рамон.

– Значит – лечит. Не беспокойся, вылечит. Майне муттер хайльт зер гут!

– А по-русски сказать язык узелком? – всё ещё недобро усмехнулась Даша. – У нас в школе – англиш.

– По-русски? Можно, – согласился Кент и чётко выговорил: – Моя мама лечит очень хорошо. Нау из ит клиар?

– «Теперь понятно?» – машинально перевела Варя. У неё по английскому была пятёрка.

– Понятно, – буркнула Даша. – Хвастун-полиглот. – И отвернулась.

Зато не отвернулась Варя.

– Ну как у тебя, Кент? Получается?

Вместо ответа Кент убрал свои ладони. Рамон подвигал кистью, пошевелил пальцами – всеми вместе и каждым по отдельности. С изумлением взглянул на Кента:

– Ну ты даёшь! Пальцы даже свободней, чем раньше, двигаются! Ну, спасибо тебе, Кент Балагул! Ой, девчонки, на душе-то как посвежело: легко стало... весело... Как под Новый год.

– Весело – смейся... а легко – пой, – второй раз за вечер широко улыбнулся Кент. И Варя в ответ улыбнулась. Даже Дашка перестала хмуриться. – Муттерхен, ну то есть маманя моя, говорит: смех и песня – лучшие лекарства.

– Как-как? – ухватился за слова Рамон. – Это же готовая строчка. – Он что-то мурлыкнул вполголоса. – Тарам-пара-тара... А если так? «Боль приносят злоба и коварство... но сдаваться им ты не спеши... Смех и песня – лучшие лекарства... Там-пара-пара... Там-парам-там-там...» Да, ребятки, боюсь сглазить, но что-то должно получиться.

– Что именно? – поинтересовалась Варя.

– Песня получится!

– Опять для Саньки? – усмехнулась Даша.

– Опять для всех, Дашунь! Ещё раз тебе спасибо, народный целитель!

Рамон протянул руку, Кент её пожал так осторожно, что Рамон засмеялся:

– Да всё окей! Рука в полном порядке. А как вы там устроились, в усадьбе-то? Всё же развалено.

– Да ничего... мы уже поправили... Двести пятьдесят лет простояла и ещё простоит столько же.

– Ну, ты загибаешь – двести пятьдесят! Был я у Тихого омута – лет семьдесят, ну сто дать можно, но никак не двести пятьдесят.

– А я говорю: двести пятьдесят! – Кент был невозмутимо-ироничен. – Заварушка тогда была с этим... как его? ...с Емельяном Пугачёвым... Мы только-только обжились, а тут – на тебе! – целая армия с вилами да рогатинами. Еле отбились... – Кент посмотрел на Варю и вдруг подмигнул ей. Варя покраснела. – Но всё равно пришлось уходить. Сначала во Францию, а потом – в Германию. Мы вообще много стран поменяли. Да и миров – тоже. Но и сюда наведывались... время от времени.

– Ну и фантазёр ты, Кент! – рассердился Рамон. – Вон девчонкам мелким лапшу на уши вешай, а мне про Пугачёва не заливай.

– Это мы «девчонки мелкие»?! – завелась было Даша, но Рамон от неё отмахнулся, как от комара, и она сникла.

А он продолжал наседать на Кента:

– Ещё скажи: с Наполеоном воевал!

– С Наполеоном не воевал. – Кент по-прежнему был невозмутим. – Балагулы вообще никогда не воюют. Нам и без войны достаётся.

Из окна кафе гремела танцевальная музыка, под окном между певцом-полицейским и вихрастым целителем шёл какой-то ненормальный спор-разговор, а Варя и Даша лишь молча переводили взгляды с одного на другого.

Неожиданно в разговор врезался хрипловатый мужской голос:

– Иннокентий, марш домой! Столько работы, а он лясы точит...

Спор мгновенно прекратился. Рамон и Даша с Варей завертели головами, пытаясь понять, откуда раздался голос. Вроде бы и рядом, но никого нет. А Кент схватился за голову:

– Ох, совсем вылетело... Даша, слушай, у твоей мамы в лавке найдется пружинка? Я вандлер исправляю – мне пружинки не хватает...

– Есть, наверно, – отозвалась Даша. – Железок разных много. А кто это щас говорил?

– Да фатер мой, – махнул рукой Кент. – Так я завтра к вам приду?

– Приходи, открыто. А вандлер – что это?

– Ну, преобразователь, вроде трансформатора...

– Какой трансформатор? – удивился Рамон. – У вас там отродясь электричества не было.

– А мне – для другого...

– Для чего «другого»?

– Ну... для этого... – замялся Кент, а потом засмеялся: – Курей из цыплят выращивать! И кабанчика – из поросёнка! Не святым же духом нам питаться.

И непонятно было, всерьёз говорит или шутки у него такие. Даша решила: шутит.

– Так они сами вырастут...

– Ага, столько ждать! А мне всего-то пружинки не хватает.

– В голове у тебя пружинок не хватает, – снова вмешался мужской голос. – Иди, кому говорят, дрянной мальчишка!

Кент вдруг дёрнулся, неведомая сила потащила его в сторону.

– Батя,пусти! – заорал он. – Я не мальчишка!

– Ишь, «батю» вспомнил, а то «фатер», «фатер». Ты, Иннокентий, не мальчишка, ты – хуже, – сказал невидимый отец. – Болтун – находка для врага.

– А с пружинкой ты сам виноват... – заявил Кент.

Рамон и девочки смотрели вслед удаляющемуся пареньку, которого явно подталкивали в спину.

– Ну, ёшки-матрёшки! – врястг сказала Даша и спросила, как генерал из кинокомедии: – Что это было, а?

Ни Рамон, ни Варя ответить ей не успели. В кафе закончились танцы, и кто-то начал кричать: «Ра-мон! Ра-мон!» Крик был дружно подхвачен. Рамон развёл руками, словно говоря: «Всё, девчонки, надо работать», – и убежал.

– Как ты думаешь, Даш... – начала было Варя, но подруга покачала головой:

– Давай лучше Рамона слушать.

Глава 4, *в которой магазин «Тодасё» навещают рэкетирьы*

В магазине «Тодасё» звякнул сигнальный колокольчик. Тётя Таня, как величали хозяйку все покупатели, независимо от возраста, вышла из подсобки в торговый зал с улыбкой и словами: «Добрый день!» – и осеклась, увидев странного подростка. В клетчатой рубашке и поло-сатых штанах до колен, в широкополой ковбойской шляпе, из-под которой во все стороны торчали рыжие вихры, он походил на слегка осовремененного сказочного Емелю или Иванушку-дурака. В руках новоявленный Емеля-Иванушка держал какой-то предмет, завернутый в мешковину.

– Тебе чего, мальчик? – спросила хозяйка.

– Добрый день, фрау тётя Таня, – поклонился посетитель. – Меня зовут Кент Балагул.

– Здравствуй, Кент Балагул, – улыбнулась тётя Таня. – А-а... Сара Балагул, наверно, твоя мама?

Кент кивнул и оглянулся на вновь звякнувший колокольчик. В магазин вошёл мужчина лет пятидесяти, на первый взгляд – типичный курортник. На нём были полотняные белые шорты, цветная «гавайская» рубашка, белая бейсболка, на носу – чёрные очки, на волосатых ногах – белые носки и кроссовки. Кент посмотрел на свои остроносые мягкие чупьяки домашнего производства и вздохнул от огорчения: уж очень грубыми выглядели они в сравнении с обувкой этого господина.

– Что вам угодно? – обратила всё своё внимание на нового посетителя тётя Таня, но тот лишь кивнул в ответ и жестом показал, что ничего не нужно. А сам принялся рассматривать разложенные на полках разнообразные товары – фасованную и развесную гастрономию, бакалею, бытовые мелочи.

Тётя Таня вернулась к Кенту:

– Передай своей маме, Кент: лечит она замечательно! Подруге моей Клаве Величко уже ни один врач не брался помочь, даже из области... Знаешь Клаву? У неё сын – Ромка, музыкант и полицейский. – Кент кивнул: мол, знаю. И тётя Таня с воодушевлением продолжила развивать свою тему: – Так вот, Клава год не вставала, а твоя мама вчера руками её несколько раз обвела да обшлёпала кое-где, и Клава через час уже бегала, словно девчонка. Я своими глазами видела, как раз пришла её навестить – мы же сызмала с ней не разлей вода. А ещё, Кент, – тётя Таня понизила голос до шёпота, оглядываясь на «курортника», – передай своей маме: пусть будет осторожна. У нас любят халяву, узнают, что Сара денег не берёт, каждый прибежит со своей болячкой, и попробуй потом отказать – живьём съедят!

Кент поморщился:

– Балагулы денег за помощь не берут никогда.

Тётя Таня с сомнением посмотрела на него:

– На богатого ты не больно-то похож.

Кент усмехнулся и важно сказал:

– Гроссфатер говорит: кто ничего не имеет, всегда поделится с другими.

– Гроссфатер – это дедушка, что ли? – Кент кивнул. – Значит, ещё помню кое-что из школы. Мудрый старикан твой гроссфатер! А ты почему его по-немецки называешь? Вы нерусские, что ли?

– Да нет, – смутился Кент. – Это я так... шутю...

– Не «шутю», а «шучу».

– Ма-ам, – послышался голос Даши из подсобки, – где тут у тебя железки? Парень один придёт из усадьбы, что у Тихого омута, ему пружинка нужна.

– Он уже пришёл, – откликнулась тётя Таня.

– Ой, Кент! Привет!

Весёлая, в шортиках, лёгкой маечке и тапочках-вьетнамках, Даша вылетела, как летняя бабочка.

– При-вет! – не отрывая от неё восторженных глаз, медленно произнёс Кент.

– Чего ты на меня уставился? – смутилась Даша.

– Даш, – сказал Кент на полном серьёзе, – знаешь, как ты на нашу Жанну похожа?! Ну, до того, как она спятила?

От неожиданности Даша закашлялась, из глаз брызнули слёзы. Тётя Таня внимательно-тревожно посмотрела на Кента, но промолчала.

– Ёшки-матрёшки, приехали! – сказала Даша, прокашлявшись. – Радости полные трусы!

– Не груби, – одёрнула мать.

– А чего он... – Даша не договорила, наверно, чтобы снова не наругать. – Скажет тоже: спятила!

– Просто ей приспичило спасти Францию и короля. А я до сих пор по ней скучаю... – Кент глубоко вздохнул.

– И что же с ней случилось? – насторожилась тётя Таня.

«Курортник» тоже перестал оглядывать полки и шагнул ближе.

– Сожгли... – шмыгнул носом Кент. – Англичане клятые!

– Ты про Жанну д'Арк, что ли? – догадалась тётя Таня.

– Да, мы тогда в Арке жили. А она сбежала. На войну.

– Ой, мама, не слушай его: он такой выдумщик! – вмешалась Даша. – Иди отдохни, я с Кентом сама разберусь.

Тётя Таня взялась за голову, странно посмотрела на юного Балагула, хотела что-то сказать, но передумала и ушла в подсобку.

Даша обратилась к «курортнику»:

– Что-нибудь выбрали? А то мы закрываемся.

Мужчина посмотрел на часы:

– Закраться вы не имеете права: конец работы через три часа. Так значится на вывеске магазина. И выгонять посетителя – тоже. Я могу пожаловаться в Общество охраны прав потребителя, и вас лишат лицензии.

– Вот же зануда! – ругнулась Даша. – Ладно, оставайтесь, коли вы такой... – Она не договорила и повернулась к Кенту: – Давай показывай, что там у тебя.

Кент развернул мешковину и положил на прилавок замысловатое устройство.

– Похоже на автомат «узи», – произнёс за его спиной мужчина. – Мальчик, ты знаешь, что грозит человеку, взявшему огнестрельное оружие?

– Это не огнестрельное оружие, – отмахнулся Кент. – Это вандлер. Так его называет мой батя, – пояснил он Даше. – Мы его вместе придумали, а я потом кое-что ещё добавил, и теперь он может всё. Ну, или почти всё. Вернее, мог, пока пружинка не сломалась.

– А что – всё? – не отставала Даша. – Ты говорил, типа того, что он может курей и поросят выращивать? – Кент кивнул, подтверждая. – Как это?! Ты на них свой вандлер направляешь, и они прямо на глазах растут?

– Ну... не совсем так, – замялся Кент и оглянулся на постороннего слушателя: тот его явно стеснял. – Я тебе лучше потом расскажу.

У Даши загорелись глаза:

– Это что, секрет? Государственная тайна?! – Она тоже взглянула на мужчину: ей показалось, что у того даже уши направились в их сторону, как локаторы. – Ну ладно. Иди сюда, смотри: тут всякие железяки, может, найдёшь что подходящее.

Даша пустила Кента за прилавок, где стояли ящики с металлической галантереей, запасными деталями и разной скобяной мелочовкой, и он начал в них обстоятельно рыться. Даша

стояла рядом, по мере необходимости помогая ему. Вандлер остался лежать на прилавке, слегка прикрытый мешковиной. «Курортник», до того черкавший карандашиком в блокноте, осторожно подобрался к нему и отвернул край – старался разглядеть прибор, но не решался трогать руками.

– Эй-эй! – заметив его поползновения, шикнула Даша, и мужчина, виновато улыбнувшись, вернулся на прежнее место.

– Кент, а чего ты притворялся, будто папа тебя потащил, а никого рядом не было? – вспомнила Даша, глядя сверху на помятое донышко его шляпы. Видно было, что она очень старая, а сбоку круглилась странная, будто прожжённая, дырка, из которой торчал рыжий клочок волос. Даже не клочок, а так – несколько забавных волосинок, но они походили на охотничье пёрышко на шляпе.

Даша представила Кента с ружьём и в шляпе с таким пёрышком – ей стало смешно, она прыснула в кулак.

А Кент вроде бы ничего и не слышал, бормотал себе под нос, перебирая железки:

– Ага, вот это пригодится... И это... И это...

Даша уже собралась повторить вопрос, как вдруг услышала:

– Знаешь, мой батя потому и стал невидимкой, что его тоже сожгли. Как учёного. Мы тогда в Ломбардии жили.

Дашу больше всего возмутило, что Кент сказал это как бы между прочим, как говорят о какой-нибудь ерунде: эка невидаль, отца сожгли! Она представила, что сжигают её папу, и задохнулась от ужаса.

– Я что, похожа на идиотку?! – закричала она, забыв, что в магазине они не одни. – Ёшки-матрёшки, ты уже вконец заврался!

– Балагулы, конечно, люди грубые, но никогда не врут, – меланхолично заметил Кент, поднимаясь с колен с пригоршнями разноформатных деталей и высыпая их на прилавок. – Хорошие у вас железки! Сколько всё это будет стоить?

– Мама скажет, – хмуро откликнулась Даша, передвинула вандлер подальше от назойливого «курортника» и заявила ему в лицо: – Шли бы вы отсюда, господин хороший. Хватит глаза протирать! И ещё записываете что-то, будто контролёр.

– Я записываю, что мне понадобится у вас купить, – возразил мужчина. – Вам таких потенциальных покупателей надо поощрять, а не выпроваживать. Я не жулик и не мошенник, я – профессор Благолепинского университета и, между прочим, уроженец Угорья. – Он тронул козырёк бейсболки. – Хайдаров Игнатий Васильевич, к вашим услугам.

– Моих услуг вам не требуется, – сказала Даша, выслушав эту высокопарную тираду, и повернулась к Кенту, который возился с вандлером, разбирая его на части. – Слышь, Кент, а кто тебе эта... Жанна д,Арк? Ну, которая спятила?

– Сестрица старшая, – откликнулся тот, примеряя к устройству что-то из кучи железок. – Ей привиделось, будто её призвали на подвиг во спасение Франции от англичан, вот и сбежала из Арка. Нас же, Балагулов, хлебом не корми – дай доброе дело замутить. Кое-где даже ангелами называли.

– Но ты говоришь: твоего папу сожгли, а он остался живой, только невидимый. А что с Жанной-то приключилось?

– Да лет ей было – совсем ничего, кажись, около двух сотен, потому и невидимки из неё после костра не получилось – рассеялась. Я тогда совсем малой был.

– Полный угар! – Даша, в точности как тётя Таня, схватилась за голову.

– Да ладно! – Кент вставил нужную деталь, затем быстро собрал вандлер и прицелился в «курортника» – тот испуганно отпрянул. Кент усмехнулся: – Не бойсь, профессор, он не стреляет. Готово! Даже лучше вышло, чем думал...

– И что, эта штука вырастит цыплёнка? – Даша недоверчиво ткнула пальцем в устройство.

– Запросто! – Кент подмигнул ей и слабым кивком головы показал на Хайдарова. – Отправлю цыпу на полгода вперёд, а через минуту верну обратно уже взрослой курицей. Или петухом.

Даша, видимо, намёк на профессора не поняла и спросила на полном серьёзе:

– А меня можешь отправить лет на шесть вперёд, а вернуть уже взрослой?

– Тебе это надо? – Кент тоже посерьёзнул. Даша покраснела и кивнула. – Уж не из-за Рамона ли?

– Да ну тебя! Уж и пошутить нельзя! Вон лучше выстави профессора на улицу.

– Нет, нет, не надо! Я сам, я сам! – испугался профессор и выскочил из магазина.

В дверях он столкнулся с молодой женщиной и здоровенным парнем, облачёнными в олимпийские спортивные костюмы. «На улице жара, а эти вырядились как на Олимпиаду», – увидев новых покупателей, подумала Даша.

– Через пять минут мы закрываем, – объявила она вошедшим.

– Успеем, – сказала женщина. – Федя, займи своё место. – Здоровяк послушно встал у дверей. – А ты, гёрла, давай сюда хозяйку.

– Что вам нужно? – сердито спросила Даша. – Чего это вы распоряжаетесь?

– Я что, непонятно сказала? Зови хозяйку лавки. Мы с ней старые знакомые.

Даша повела плечами и нажала кнопку под прилавком. Где-то в подсобке зазвенел звонок, и в этот момент Кент Балагул поднял вандлер, намереваясь завернуть его в мешковину.

Федя выхватил откуда-то пистолет и направил на Кента, но тот не обратил на него никакого внимания, продолжая начатое.

– Стоять! Не двигаться! – рявкнул Федя.

Кент взглянул на Дашу, она кивнула, и он опустил вандлер на прилавок.

Женщина мило улыбнулась:

– Забыла предупредить: не будете суетиться – вернётесь на свои круги. Так сказано в Библии, а по-русски поясню: шевельнётесь – Федя башку типа снесёт. И будет прав!

– Так точно, босс, – заржал Федя.

– «Суета сует, – сказал Екклесиаст, – суета сует – всё суета», – сообщил Кент со скучающим видом. – А ещё: «И всё возвращается на круги своя...» Так сказано в Библии.

– Федя, заткни фонтан, – не глядя на Кента, приказала женщина. – Только аккуратно, без кровопролития.

– А я не умею, – замялся Федя. – Без этого... кровопролития... – Федя, вроде бы стесняясь, поиграл пистолетом.

– Ну и болван! Убери!

Федя поморщился и нехотя сунул оружие за пояс, под олимпийскую куртку. А женщина снова повернулась к Даше:

– Девочка, долго я буду ждать хозяйку?

– Она в доме, наверно. – Даша направилась было в подсобку. – Я позову.

– Стоп! Голосом зови, голосом. Ау-у!.. А-а, вот и она. Привет, тётя Таня! Небось подзабыла Крошку Риту, а я вот взяла и вернулась. Как там в Библии? – Женщина оглянулась на Кента. – «И всё возвращается на круги своя»? Типа картина Шилова «Не ждали».

– «Не ждали» Репин написал, а не Шилов, – сказала Даша и пояснила матери, удивлённо глянувшей на неё: – У Ромки дома копия висит. – И покраснела.

– А нам – до фени: что Репа, что Шило. Верно, Федя?

– Так точно, босс, – ухмыльнулся громила.

– Что-то быстро тебя выпустили, – недружелюбно сказала тётя Таня.

– Всего-то на год раньше – за хорошее поведение, – ухмыльнулась Крошка Рита. – Батюшка один подсутился. За то, что я Библию всю проштудировала – от корки до корки. Ох и нудятина, я тебе скажу!

– Вы бы шли, ребятки, отсюда, – обратилась тётя Таня к дочери и Кенту. – У нас с Маргаритой взрослый разговор.

– Нет, Татьяна Егоровна, ребятки останутся. – Милая улыбка Крошки Риты превратилась в злой оскал. Всего лишь на мгновение, и улыбка снова засияла на её красивом лице – во все тридцать два белоснежных зуба, но Даша успела эту гримасу заметить и испугаться больше, чем пистолета в руке Феде. – Чтобы не вздумали кого-нибудь кликнуть. Верно, Федя?

– Так точно, босс, – заржал верзила.

– Ладно, Татьяна, не будем терять время, которое, как известно, деньги. Поговорим о приятном. Как там твой должок за нашу крышу?

– Какой должок? – удивилась хозяйка магазина. – За какую такую крышу?! Ну, дала разок сотню баксов, чтобы отвязаться, и – довольно. Я тебе тогда ещё говорила, что у нас крышеваться не от кого.

– Как это – не от кого? – усмехнулась Крошка Рита. – А от нас с Федей?

От такого поворота у тёти Тани закружилась голова:

– Ты меня крышуешь от себя самой?!

– А что? Автостраховка!

Федя у дверей заржал, не дожидаясь вопроса.

– Ну ладно, допустим... – вздохнула тётя Таня. – Но ты сидела полтора года в тюрьме, обязанностей защитника не выполняла...

– Стоп! – рявкнула Крошка Рита и снова хищно оскалилась. – Это был форс-мажор, непреодолимое внешнее воздействие, за которое мы с Федей ответственности не несём.

– А с какой стати я... – начала было тётя Таня, но Крошка Рита бесцеремонно оборвала:

– Если не ты – ответственность может понести твоя лавочка. Поняла?

– Я папу позову, – неожиданно заявила Даша. – Как сейчас закричу – он мигом примчится.

– Нам известно, деточка, что ваш папа утром в город уехал, в этот занюханный Благолепинск, – лениво обронила Крошка Рита. – Вот уж кликуха для областной столицы – прямиком из Библии.

– Мы пожалуемся в полицию!

– Что?! В полицию?! – захохотала не хуже Феде Крошка Рита. Кстати, Федя её тут же охотно поддержал. – И что ты скажешь в полиции, деточка? И кто тебя послушает? А я скажу, что в трудную минуту дала тёте Тане в долг десять «косарей» баксов, под её честное благородное, и Федя подтвердит мои слова. Верно, Федя?

– Так точно, босс! – Федю трясло от смеха.

– Так что гони бабки, Татьяна Егоровна. Половину сейчас, остальное, так и быть, постепенно. По триста баксов в неделю сойдёт?

– Не сойдёт, – твердо ответила тётя Таня. – Их у меня нет и взять неоткуда. На налоги еле-еле наскребаю.

– Меня это не колышет, – зло бросила Крошка Рита. – Я после тюрьги пуста, а нам с Федей ням-ням хочется. Желательно каждый день. – Она хищно улыбнулась. – Как там сказано в Библии? «Блаженны алчущие и жаждущие, ибо они насытятся».

И тут неожиданно раздался негромкий, но очень внятный голос Кента:

– Эй, как-вас-там, в Библии сказано по-другому: «Блаженны алчущие и жаждущие ПРАВДЫ, ибо они насытятся». Про правду нельзя забывать.

Крошка Рита внимательно посмотрела на рыжего паренька:

– Ты, что ли, тоже сидел?

– Где?

– Где, где... В Караганде!

– В Караганде не сидел, – признался Кент.

Крошка Рита глянула на Федю у дверей, и тот заржал, не дожидаясь её вопроса.

– Я тебе так скажу, мальчуган, – вкрадчиво прошептала Крошка Рита. – Про правду забывать нельзя, но и помнить не обязательно. Потому что правдой сыт не будешь. Я внятно объясняю?

– Внятно. Вам деньги нужны, – кивнул Кент и неожиданно добавил: – А золотом возьмёте?

Глава 5, *в которой Пётр Иванов вмешивается в большую науку*

Профессор Хайдаров был человеком неконфликтным, то есть, попросту говоря, на рожон никогда не стремился. По первым же словам новых посетителей он понял, что в магазин нагрязнул криминал, а связываться с ним в его планы не входило. Оставалось лишь посочувствовать тётке Тане. Что он и сделал, постояв некоторое время на крыльчке магазина, благо дверь не стеклянная и из магазина видеть его не могли. Зато он неплохо слышал почти всё. И услышанное лишь подтвердило его догадку. Он уже собрался отправиться восвояси, как вдруг до него дошёл смысл слов Кента о золоте. Игнатий Васильевич недаром носил звание профессора, то есть человека по определению умного: он мгновенно связал их с вандлером, который «может всё», и его душа учёного вспыхнула желанием принести это изобретение на алтарь большой науки. Иными словами, попытаться им завладеть и использовать в своих целях. Но – как?!

Профессор думал недолго. Входить в магазин с улицы было опасно, а вот со двора, через подсобку... вдруг сложится выгодная ситуация и что-то получится.

Придуманно – сделано.

Игнатий Васильевич отворил калитку и вошёл во двор. Здесь было спокойно и почти пустынно. Под навесом возле кормушки тесной группой топтались куры; они что-то клевали, переговариваясь на своём несложном языке. В загородке два поросёнка-подростка, весело хрюкая, рыли пяточками землю возле фундамента дома. («Вот ведь свиньи!» – осуждающе подумал профессор.) Справа, за штaketником, расстился огород, на котором чего только не росло, но из людей никого не было. Слева, за пирамидой пустых ящичков и коробок, виднелось деревянное крыльцо и распахнутая дверь – желанный вход в магазин.

Порадовавшись своей находчивости, Игнатий Васильевич почему-то крадучись двинулся к крыльцу и вдруг услышал справа, от въездных ворот, хриплый орлиный клёкот. Это он так подумал – орлиный, потому что, будучи профессором физики, других клёкотов не предполагал. Линейка его мыслей была проста: клёкот – орлиный, орёл – большая птица, разумеется, не домашняя, значит, где-то близко летает. Он глянул в небо – ничего, кроме нескольких пушистых облачков, не увидел и потому спокойно шагнул дальше.

Если бы Игнатий Васильевич обратил свой взор с небес на землю, а точнее, в сторону, откуда раздался этот пресловутый птичий клич, всего последующего могло бы и не быть. Или результаты оказались бы немного другими, но – что получилось, то получилось.

За спиной профессора что-то шумно захлопало, и на его голые ноги обрушилась неведомая сила: в икры впились то ли иглы, то ли стрелы, то ли острейшие когти, кожу начали рвать клыки. Бедному Игнатию Васильевичу представилось, что от его ног отхватывают куски мяса. Он наконец-то глянул вниз, увидел на икрах красные пятна, ужаснулся, осознав, что это кровь, то есть его едят живьём, и упал, потеряв сознание...

Он лежал в нескольких шагах от магазинного крыльчка, а вокруг неподвижного тела гордо вышагивал Пётр Иванов. Глава куриного семейства был счастлив: он только что у всех на глазах восстановил свой статус хозяина двора, повергнув в прах не какую-то шмыглявую девчонку, а взрослого мужика. По его победному призыву к месту схватки подошли куры, за ними, отодвинув пяточками штaketины в загородке, подтянулись поросята-подростки. Постояли, пообсуждали случившееся, выразили герою своё уважение и отправились обратно – куры под навес, поросята в загородку. Пётр Иванов ещё раз кукарекнул, презрительно шаркнул лапой, бросив на униженного человека горсть травы, смешанной с пылью, и пошагал на своё излюбленное место в тени въездных ворот.

Боевой петух и подумать не мог своими крохотными мозгами, что лихим нападением на учёного совершил недопустимое вмешательство в большую науку, возможно, сорвал намечав-

шийся исключительный эксперимент и, чем чёрт не шутит, замечательное открытие в области прикладной физики. Именно об этом – не о вмешательстве, а об эксперименте, открытии и, может быть, Нобелевской премии – размышлял профессор те полторы минуты, пока двигался от входных дверей магазина до роковой точки во дворе.

Неизвестно, сколько времени пролежал бы в беспамятстве Игнатий Васильевич, если бы не появились Сева и Варя. Дело клонилось к вечеру, а они как раз этим вечером договорились послушать шёпот звёзд. Вот и пришли пораньше, чтобы всё подготовить на вышке.

Увидев валявшегося на траве прилично одетого незнакомца, они конечно же бросились ему помочь.

– Смотри-ка, у него все ноги в крови! – воскликнула Варя. – Надо воды принести.

Вода была в доме. Умелец Сергей Андреевич пробурил во дворе скважину и всюду, куда надо, провёл водопровод. Варя побежала в дом, а Сева услышал знакомый клёкот, оглянулся и увидел Петра Ивановича, нацелившегося в погоню.

– Цыц! – грозно сказал Сева, и Пётр Иванович стусевался. Он снова опустился на землю, сделав вид, что его не так поняли, а он совершенно ни при чём.

Варя принесла воду в ковше и чистые тряпицы. Вместе с Севой смыла с ног засохшие потёки крови и пыль, вытерла насухо. Царапины и укусы клювом были глубоки и, конечно, болезненны.

– Йодом бы смазать, – сказала Варя. – Но в доме никого нет.

Тут пострадавший очнулся и посмотрел на них мутным взором.

– Я живой? – сиплым шёпотом спросил он.

– Живой, – улыбнулась Варя. – Встать можете?

Пострадавший поднялся, осмотрел ноги, сморщился, увидев запятнанные кровью носки, но ничего не сказал. Только спросил:

– Кто это меня так уделал?

– Пётр Иванович, – снова улыбнулась Варя. Улыбкой она хотела подбодрить несчастного незнакомца, но тот недоумённо-испуганно воззрился на неё, и она сочла необходимым пояснить: – Это хозяйский петух. Вон, сидит у ворот. На меня он обычно тоже агритя. Сегодня что-то смирный.

– Пету-ух! – протянул пострадавший и опасно оглянулся на чинно сидящую птицу. Пётр Иванович кивнул и беззвучно раскрыл клюв: то ли поприветствовал, то ли извинился за содеянное. – Это он-то смирный? Да такого петуха на цепи держать надо!

– Пожалуйста, тише, – попросила Варя. – Пётр Иванович всё понимает.

– Тогда сопроводите меня. – Незнамец подвёл ребят к крылечку магазина. – Дальше я сам. Спасибо за помощь, и можете быть свободны.

– Кто вы? – спросил Сева. Он ждал, что спросит Варя, но та не догадалась. – И что вам здесь надо?

– Да, да, – спохватилась Варя. – Я вчера вас у кафе заметила. Вы подошли, когда мы с Кентом разговаривали, и за деревом стояли, слушали. А теперь...

– А теперь, девочка, в магазине рэкетеры, и ваш Кент предложил им золото.

– Что-о?! – дружно воскликнули его спасители. – Какие рэкетеры?! Какое золото?!

– Не знаю, – развёл руками пострадавший. – Я случайно услышал.

– Рэкетеры – это же бандиты! Надо выручать тётю Таню и Дашу! – спохватилась Варя. – Я за Рамоном. – И умчалась, только калитка хлопнула.

– Всё-таки – кто вы? Зачем зашли во двор? – настойчиво спросил Сева.

– Я – профессор из Благолепинска, Хайдаров Игнатий Васильевич. А во двор зашёл, чтобы отсюда, так сказать, с тыла, попробовать помочь.

– Так давайте помогать! Чего же мы стоим?!

– Помогать буду я, – наставительно сказал профессор Хайдаров. – Дети и рэкетеры – понятия несовместимые. Ждите здесь!

И он исчез за дверью.

Но профессор физики совсем не знал подростков. Он думал, что профессорское звание и безапелляционный тон заставят восьмиклассника стоять навытяжку до команды «вольно», однако Сева, помедлив всего чуть-чуть, последовал за профессором.

Глава 6, в которой вандлер сначала делает чудо, а потом исчезает

А в магазине как раз в то время, когда Варя и Сева возвращали к жизни благолепинского профессора, творилось нечто необычное.

– ...золотом возьмёте? – спросил Кент Балагул, и все присутствующие уставились на него, будто он ляпнул что-то неприличное.

Первой пришла в себя Крошка Рита.

– О каком золоте заикнулся этот уродец? – спросила она, ни к кому, собственно, не обращаясь.

– Кто тут урод – спорный вопрос, – спокойно возразил Кент. – А золото будет чистое, без дураков.

Он взялся за свой прибор, но Федя рванулся и выхватил свёрток из его рук.

– Я тебе выпишу премию, Федя, – одобрительно кивнула Крошка Рита. – За расторопность. Что там за пушка?

Федя развернул мешковину, осмотрел устройство и вернул Кенту.

– Похоже на игрушку, босс. Вроде детского пугача на батарейках.

Маргарита жестом отправила его на прежнее место у дверей и покосилась на Кента:

– Так что тут вякнул о золотишке наш знаток Библии? Колись, библиофил! Сказал «А» – выкладывай весь алфавит.

Кент ласково погладил металлический бок вандлера и вдруг улыбнулся. Вдруг – не потому, что улыбка была редким гостем на его длинном лице, наоборот, улыбался он довольно часто, но каждый раз за улыбкой или усмешкой что-то скрывалось. Вот и на этот раз она показала Даше загадочной, но многообещающей.

– А сколько вам его нужно? – спросил он, продолжая улыбаться, однако в выражении лица проступила жёсткость, и её почувствовала Крошка Рита. Наверно, поэтому в голосе рэкетирки прозвучала неуверенность:

– Ммм... сейчас или вообще?

– Сколько нужно, чтобы вы навсегда отстали от фрау тёти Тани, а ещё лучше – вообще бросили бы своё ремесло?

– Чтобы сейчас вернуть должок фрау, посмотрим по курсу... – Маргарита достала из кармана смартфон и провела ряд манипуляций, бормоча себе под нос: – Так, золото... покупка 2587... продажа 2939... возьмём среднее – 2763. Баксы: курс 57, пять «косарей» потянут на 285 штук. Делим на золото, получаем 103 грамма. Маловато! Как ты считаешь, Федя, сто рыжих граммук – это мало?

– Так точно, босс! – заржал верзила.

– Дурак ты, Федя, и не лечишься, – с чувством сказала Крошка Рита и продолжила манипуляции со смартфоном. – Коэффициент форс-мажора... риск невозврата... ну и моральный ущерб...

– Какой тебе, к дьяволу, моральный ущерб?! – возмутилась тётя Таня. – Это мне надо платить за моральный ущерб! И коэффициент риска – тоже!

Крошка Рита даже не подняла головы от смартфона, лишь отмахнулась: не мешай, мол...

– Значит, так, – подвела она итог, – за всё предыдущее я удовлетворюсь минимумом – полкило рыжья! Что касается будущего... Я думаю прожить ещё лет пятьдесят... да, пожалуй, пятьдесят... так что двадцать пять кило будет в самый раз. Как там сказано в Новом Завете? «Блаженны кроткие, ибо они что-то там наследуют». Верно, Федя?

– Не знаю, босс, не читал, – неожиданно отрёкся верзила, зато Кент не преминул поправить:

– «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» – так сказано у Матфея, глава пятая, стих пятый. Но вы-то не на землю претендуете, а на тельца золотого...

– Стоп! – Крошка Рита даже пальцем погрозила. – Всё-таки уточним: ты знаешь, где можно взять этого тельца, не ограничивая блаженства? Нашего, разумеется, блаженства! Мы чтим его больше, чем Библию. Подумай, парень, и скажи: рыжё дашь нам точно или гонишь пургу?

– Пургу я гнать умею, но сейчас лето, – меланхолично заметил Кент. – А вы уберётесь отсюда, если его получите? – Рыжие брови сошлись к переносице, между ними пролегла вертикальная складка, придавшая всему лицу угрюмое выражение.

Тётя Таня и Даша увидели эту перемену в Кенте и насторожились – Маргарита же странным образом потеряла бдительность («Размечталась о золоте», – подумала Даша), а Федя вообще никакой угрозы не почувствовал. Ни для босса, ни для себя.

– Сначала деньги, а потом – стулья, как учит нас Ильф Петров, – чуть ли не проворковала Крошка Рита. – Кто любит золото, тот не насытится серебром. Так, кажется, говаривал товарищ Екклесиаст?

Она подождала, поправит ли её Кент, но тому, похоже, надоело уточнять библейские истины, а может, просто не обратил внимания, потому что по-прежнему хмурился, сосредоточенно о чём-то думая.

Все терпеливо ждали.

Наконец лицо его посветлело – видимо, пришёл к какому-то решению.

– Ну ладно. Обманете – вам же будет хуже. Тётя Таня, можно взять у тебя под прилавком ящик с железками? Там пуда полтора будет. В самый раз.

Тётя Таня машинально кивнула, совсем не удивившись, что почти незнакомый парнишка лет семнадцати называет её, очень даже взрослую женщину, на «ты».

– Благодарствую! Федя, вынеси-ка его из-за прилавка и поставь вот тут. – Кент показал на середину торгового зальчика.

– Босс, ты слышала? – заржал Федя. – Этот хмырёнок приказывает...

– Делай, что сказано! – оборвала Крошка Рита. – И побыстрее! Мне уже надоел этот базар!

– Да нет никакого базара, босс, – засуетился Федя. – Я – пулей!

Он нырнул за прилавок и по указанию тёти Тани выволок деревянный ящик, наполненный какими-то мелкими железными изделиями.

– А теперь все отвернитесь. Или зажмурьтесь! – вовсе уж приказным тоном велел Кент. Крошка Рита промолчала, но неожиданно возмутился Федя:

– Ещё чего!

Кент поднял руку, останавливая его:

– Дело ваше. Просто можете ослепнуть.

Тётя Таня уже в который раз поразились, как быстро меняется Кент. То он – семнадцатилетний подросток, немного странноватый, но, в общем, в соответствии с возрастом. То – рассудительный знаток Библии, что тоже странно, тем более что за всё время ни разу не перекрестился. А то, как сейчас, – командир, отдающий чёткие приказы, однако поясняющий непонятливым опасность их невыполнения.

– У нас есть тёмные очки, – сказала тётя Таня. Она сняла в подсобке с полки картонную коробку, полную пластмассовых фильтров в разномастных оправках, и вынесла её в зал. Даша вышла за ней: ей захотелось быть поближе к Кенту.

Все выбрали подходящие для себя окуляры, Кент отмахнулся – он настраивал свой вандлер. Пальцы бегали по выступам на корпусе, по нескольким кнопкам.

– Готовы? – Кент оторвался от устройства, оглядел присутствующих, застывших в тревожном ожидании, усмехнулся: – Как говорят истинные христиане: с Богом! – и запустил вандлер.

В зале будто вспыхнуло солнце. Оранжевый луч из прибора ударил в ящик с железками и в одно мгновение раскалил их добела. От деревянных стенок ящика повалил дым, показалось пламя. Но луч погас, а пламя и дым Кент смахнул лёгким движением руки.

Железки быстро остывали, сияние тускнело, переходя из жёлтого в багровое. Все присутствующие не сводили глаз с ящика, все, кроме Кента, который с безучастным видом наблюдал за происходящим, отложив в сторону вандлер. Поэтому никто не заметил, как из-под прилавка появилась рука; пальцы крепко ухватили край дерюжки, на которой лежало устройство, потянули, и через секунду вандлера на прилавке уже не было.

И тут вдруг резко звякнул и сорвался с подвески входной колокольчик, а за спиной Феде появились Рамон и Варя.

– Полиция! – успел выкрикнуть Рамон.

У Феде оказалась мгновенная реакция: от мощного удара в челюсть полицейский кубарем покатился в угол зала и там замер.

– Ёшки-матрёшки! – вскрикнула Даша, бросилась к Рамону, стала приводить его в чувство. Она бы высказалась покрепче, но не рискнула огорчить маму.

Федя свою работу исполнял от души. Тем более что нокаут для бывшего боксёра – дело плёвое. Полицейского прикида на Рамоне не было, «ксиву» он не предьявлял, а кричать «Полиция!» любой дурак может. Это вовсе не значит быть представителем власти. Так рассудил телохранитель Крошки Риты; он даже пистолет поленился достать.

На Варю Федя не обратил внимания: подумаешь, мелькнуло кудрявое насекомое! А зря не обратил. Девчонка прыгнула ему на спину и вцепилась... нет, не в волосы, поскольку рэкетир был бритоголов, – она вцепилась в большие лопухи его ушей и крутанула их изо всех сил.

Федя взвыл, попытался стряхнуть «насекомое», но оно оказалось настоящим клещом. Варя обхватила его ногами, а уши продолжала крутить. Федя заметался, вопя благим матом; от боли и ярости он никак не мог сообразить, что делать. На помощь ему пришла Крошка Рита. Она выхватила пистолет, выстрелила в потолок, отчего Федя замер и замолчал, и прицелилась в Варю.

– А ну-ка, отцепись, гёрла недоразвитая! Отцепись, говорю, не доводи до греха.

Кто знает, что произошло бы в следующий момент, но тётя Таня вдруг развернулась и с возгласом «Хэк!» вышибла ногой пистолет из руки Маргариты. Описав дугу, оружие улетело в ящик с железками, а его хозяйка на какое-то мгновение замерла с открытым ртом. Но только на одно мгновение. Уже в следующее она ответила на выпад тётки Тани таким же финтом, и пошла потеха! Руки-ноги мелькали, как крылья мельницы: где чьи – не разобрать. Боевые выкрики сыпались с обеих сторон, сопровождая хлёсткие удары кулаками и ногами. Варя, сидя на спине Феде, даже забыла крутить его «лопухи», а сам Федя стоял на полусогнутых и только водил глазами туда-сюда, пытаясь уследить за ходом боя.

В углу пришедший в себя после нокаута Рамон порывался вскочить, но Даша удержала. Как будто знала, что не стоит вмешиваться; правда, её круглые от изумления глаза ясно говорили, что она эту «картину маслом» видит впервые.

Кент сдвинул шляпу на лоб и чесал затылок. Наверно, тоже удивлялся.

Впрочем, схватка женщин продлилась не более пары минут. Они просто выдохлись. Остановились, тяжело дыша и вытирая пот со лба. Потом враз наклонились, упираясь руками в колени, – так легче и быстрее прийти в себя после большой нагрузки.

– А ты, подруга... ничего ещё... можешь, – с кривой усмешкой сказала Крошка Рита. – Сколько лет прошло, как мы ходили с тобой на курсы?

– Пятнадцать или шестнадцать... – отозвалась тётя Таня. – Только я потом вышла замуж и Дашку родила, а ты...

– Не будем о грустном, – перебила Крошка Рита и выпрямилась. – Ну, что у нас вторым номером?

– Полиция! – сипло выговорил Рамон. Он вырвался-таки из рук Даши и встал перед Федей, шаря по карманам: искал удостоверение.

Его заявление вывело Федю из ступора. Закинув правую руку за спину, он содрал с себя Варю и швырнул её на руки тётя Тани, которая как раз выпрямилась вслед за Маргаритой. Одновременно левой выполнил классический хук, и Рамон снова улетел в угол. Однако на улёте он зацепил ногой верзилу, и тот упал на одно колено, чуть не уткнувшись носом в ящик с железками.

Впрочем, в ящике уже были не железки.

– Рыжьё... – хриплым шёпотом произнес Федя. Он двумя руками ухватился за борта ящика, сунулся лицом в его нутро и оттуда заорал: – Провалиться мне, босс, это – рыжьё!!!

Федя сгрёб в ладони несколько деталек, вытащил на свет, и они заиграли весёлым солнечным цветом.

Крошка Рита схватила одну бывшую железку, попробовала на зуб.

– Настоящее! Настоящее золото!!!

Стоя на коленях, они перебирали содержимое ящика – всё было золотым. Успел стать золотым и улетевший в ящик пистолет Крошки Риты. Федя повертел его в руках, воззрился на хозяйку:

– Как из него теперь стрелять, босс? И как вы без пушки?

– Хватит и твоей, – буркнула Маргарита. – Я куплю себе другую.

Тётя Таня подобрала отлетевшую в сторону золотую поделку, что-то вроде оконного шпингалета, хотела бросить её в ящик, но не успела: Крошка Рита вырвала у неё «шпингалет», осмотрела и... отдала обратно.

– На память. – Она поднялась с колен. – Как сказано в Библии: когда у тебя будет много золота, не забудь про Господа. Ему тоже ничто человеческое не чуждо. Ты, Татьяна, сейчас для меня вместо Господа.

– Ну, хватит вам этой ерунды, чтобы убратся навсегда? – подал насмешливый голос Кент. Он по-прежнему невозмутимо стоял, опираясь спиной на прилавок, только шляпу вернул на затылок, так что рыжие вихры окружили длинное лицо, сделав его схожим с солнцем на детском рисунке.

– Федя, вставай и неси ящик в машину, – скомандовала Крошка Рита.

Телохранитель живо вскочил, ухватил ящик за борта, но не смог его даже оторвать от пола.

– Что за чёрт! Я же сто двадцать жму запросто!

– Он не сдвинется, пока не поклянётесь, что оставите всех в покое, – сказал Кент, глядя в упор на Крошку Риту.

Она правильно оценила обстановку:

– Ладно, библиофил, твоя взяла. Клянусь!

– А ты? – Кент перевёл взгляд на Федю, который всё ещё пыхтел над ящиком.

– Как босс, так и я, – отозвался тот.

И тотчас без видимых усилий оторвал ящик от пола.

– Я же говорил, что жму сто двадцать! – С радостным рёвом он буквально вывалился на улицу, где в тени кустов притаилась серо-зелёная «тойота».

Крошка Рита решительно двинулась следом, но в дверях вдруг остановилась и обернулась к Кенту:

– Лавку мы, так и быть, не тронем, а с тобой, занятный человечек, надеюсь ещё встретиться.

Помахала рукой и вышла.

Через несколько секунд негромко ревул автомобильный мотор, и «тойота» промелькнула в распахнутых дверях, направляясь из Угорья.

– Я их упустил! – в отчаянии прохрипел из угла Рамон. – Это же преступление!

– Что у тебя с горлом? – обеспокоилась тётя Таня.

– У меня голова трещит. – Рамон поднялся, поддерживаемый Дашей и Варей, которая, к счастью, не пострадала при падении на руки тёти Тани. – Как их теперь поймаешь?!

– Они вернуться, – вздохнула тетя Таня. – Маргарита от своего... да теперь и от чужого... не отступится. Я её знаю.

– Откуда, мам?! – удивилась Даша.

– В одном классе учились. Детство у неё было – не приведи Господь! Из пьющей семьи – этим всё сказано.

Тётя Таня махнула рукой, как бы говоря: что тут теперь поделаешь! – и мимоходом погладила Варю по золотистым кудряшкам:

– А ты, девочка, молодец! Такого коня на скаку остановила!

Варя покраснела:

– Вы сами, тётъ Тань, дрались, как в кино.

– Да, мам, это было обалденно! – поддакнула Даша.

– Похоже на Ади-хай пидутам кшатриев, я это когда-то в Индии видел, – сказал Кент. – В варну кшатриев женщин не принимали, но вас... фрау тётя Таня... приняли бы обязательно.

– Да вы меня просто захвалили, – махнула рукой тётя Таня. – Ой, гляньте-ка! Что-то блеснуло. – Она прошла в угол, наклонилась и подняла небольшой навесной замочек жёлтого цвета. Такие используют для запирания чемоданов и сумок. Взвесила на ладони. – Какое тяжёлое... Настоящее золото!

– Дай посмотреть? – Даша взяла замочек и, тоже взвесив на руке, отдала обратно. – Что за прикол, Кент? Фокус-покус?

– Балагулы – не фокусники, – меланхолично ответил рыжий парень. – Просто вандлер кое-что меняет в маленьких шариках, мой батя называет их атомы. Но это пустяки, главное – бандиты больше к вам не сунутся.

Тётя Таня хотела что-то сказать, но в подсобке раздался грохот, словно там упало нечто жестяное и тяжёлое, все головы повернулись в ту сторону, и навстречу тревожным взглядам явился Сева, с ног до головы обсыпанный белым порошком, похожим на муку.

– Вандлер... – сказал он и упал прямо за прилавком.

Только сейчас Кент взглянул на то место, куда положил своё волшебное устройство, и обнаружил, что оно бесследно исчезло. Вместе с дерюжкой.

Глава 7, в которой приоткрывается личность профессора Хайдарова

– Севка! – Даша бросилась к другу и начала трясти его за плечи. Голова Севы моталась из стороны в сторону, но глаза были закрыты. – Да помогите же кто-нибудь! – обернулась Даша к маме и друзьям, столпившимся у прохода за прилавок. – Хоть чем-нибудь!

– Воды надо, – сказала Варя, и тётя Таня метнулась в подсобку.

– Кент, ты бы помог, – прохрипел Рамон. – Видишь, пацан загибается.

Кент заглянул за прилавок.

– Ничего он не загибается, лежит спокойно. Наверно, что-то на голову упало. Водой сбрызнут – поднимется. А вот тебя надо поправить. Хватит перхать!

Рамон отмахнулся: само пройдёт. Тётя Таня принесла в ковшике воды, набрала в рот и брызнула Севке в лицо. Тот попытался открыть глаза, но из-за муки на веках (а белая обсыпка, и верно, оказалась мукой) ничего не увидел и принялся размазывать её по лицу. Мука с водой превращалась в тесто, вид у паренька получился такой забавный, что Даша не удержалась и прыснула, за что получила от матери подзатыльник.

– Севка, ты что-то знаешь про вандлер? – спросил Кент. – Куда он подевался? А-а, впрочем, ладно, я и сам понял...

– Ты понял, а мы – нет, – заявила Даша. – Севка, давай информацию.

Сева произнёс медленно, разделяя слова:

– Вандлер... украл... профессор... Хайдаров... Я не смог... помешать...

– Хорош профессор! – ахнула Варя. – Теперь сбежит с вандлером...

– Не сбежит, – сказал Рамон. – А сбежит – поймаем.

Он продолжал хрипеть, и Кент потянул его в сторону:

– Давай помогу.

– Это я должен тебе помочь – надо вора поймать, – воспротивился Рамон. – Я же полицейский...

– Знаю: ты – полицейский... городской... А профессор этот никуда не денется. Включить вандлер на золото он не сумеет, там комбинация сложная, значит, и золота не получит...

Кент говорил с Рамоном, как взрослые разговаривают с капризными детьми, – негромко, успокаивающе, а сам водил пальцами по его горлу, проглаживал вверх-вниз. Ему так оказалось удобно, потому что Рамон был выше на целую голову.

– Ну вот и всё. – Кент отступил и осмотрел Рамона. – Остальное – в порядке. Ну-ка, скажи что-нибудь. Или, – он усмехнулся, – спой.

Рамон кашлянул и пропел:

– А-а-а... – Прислушался к себе и мотнул головой. – Нет, петь не буду. Пока не буду. А так – всё прошло. Надо же! Как это у тебя получается?

– Как-как-перекак! Откуда я знаю? Само собой получается. Это батя, куда ни придём, книжки разные читает, объяснения ищет – почему то, почему сё. Слов понахватался! Кванты-шкванты, фейки-швейки... Где-то частицу Бога нашли – выдумали тоже: частицу Бога! – так у него праздник был с песнями. Даром что невидимый, а живее всех живых. А вот дедушка наш говорил: надо жить и радоваться, что живёшь. Ему сочинитель один подсказал... Эразм или Рабле, не помню: я ещё мальчишка был.

Рамон вытаращил глаза:

– Но Эразм и Рабле, если не ошибаюсь, жили где-то лет пятьсот назад. Я в какой-то книжке читал, ещё в школе.

– Я и говорю: маленький был, не помню.

– Не валяй матрёшку! – сердито сказала Даша. – Столько не живут!

– А сколько же тебе лет? – спросил Сева, уже приведённый тётёй Таней в относительный порядок

– Точно не знаю, – скромно ответил Кент. – Давно со счёту сбился.

– Ну хотя бы приблизительно, – попросила Варя. – У тебя же есть метрика.

– Что это за штука такая – метрика? – удивился Кент.

– Это бумага, где записаны день, месяц и год твоего рождения, – пояснила тётя Таня. – Свидетельство. По нему паспорт выдают, когда четырнадцать лет исполнится. Вот Дашка недавно получила. У тебя уже должен быть паспорт.

– Нет у меня паспорта, – вздохнул Кент. – Да и ни к чему он: ещё потерю. При переходе иногда так тряханёт – еле-еле отдышишься.

– При каком переходе? – насторожилась Даша.

– Да при обычном, – пожал плечами Кент. – Батя говорит: хронофазовом. Тоже словечко! А проще – из одного мира в другой. По времени. Или по месту.

– И часто вы так переходите? – любопытствовала Варя.

– Когда как... – Кент вдруг прислушался к чему-то внутри себя и зашептал: – Домой мне надо. Фрау тётя Таня, я железок набрал – как раз на новый вандлер хватит. Сколько это стоит?

– Что ты, что ты! – замахала она руками. – Ты же нам так помог! Спасибо тебе огромное!

Она вдруг низко поклонилась. Кент покраснел, распахнул железки по карманам, которых у него оказалось необычно много, и спросил:

– Ну, я пойду?

– Подожди, Кент, – сказал Рамон. – У меня вопрос. Если всё, о чём ты говоришь, правда, то почему ты так неосторожен? Рассказываешь, делаешь! Ведь из-за одного лишь золота люди разум теряют и могут на куски порвать.

– Ну, про золото ни бандюки, ни профессор трепаться не станут, – заметила Даша. – Им это невыгодно. А нам Кент просто доверяет.

– Доверяю, – кивнул Кент и улыбнулся. – Вы все – хорошие люди.

– А про другие миры и времена я бы ещё послушала, – вставила Варя.

– Кент, твой папа с мамой не будут против, если мы как-нибудь к тебе рухнем? – спросила Даша. – Варя, Севка и мы с Рамоном? Рамон, тебе же хочется?

Рамон только кивнул, а Кент, уже на ходу, бросил:

– Рухните. Ежели не боитесь.

И исчез. В стене.

Глава 8, *в которой глава угорьевской полиции хочет убить приятеля*

Начальник Угорьевского отделения полиции Кузьма Петрович Владыкин, по прозвищу Шериф, очень любил петь под гитару, и пел, надо сказать, неплохо. В узком кругу, для собственного удовольствия. Вот и этим июльским вечером, изнывая от жары и радуясь, что за день в Угорье не случилось ничего криминального, Шериф расположился в своём кабинете на потёртом диване с гитарой в руках. На деревянном подлокотнике дивана стояла запотевшая банка безалкогольной «Балтики» (Шериф, в отличие от многих коллег, не любил пиво «с градусами»). В маленьком холодильнике выстроились в очередь не меньше десятка таких же, дома Кузьму Петровича никто не ждал – чего ещё желать для полного счастья уставшему от беспокойной жизни человеку средних лет?

Владыкин и не желал. Отхлёбывая время от времени прохладной жидкости из мягкой жестянки, он лениво перебирал струны и мурлыкал песенку, сочинённую однажды по его просьбе Рамоном:

Ах, деньги, деньги! Где их раздобыть —
с утра меня одно желанье гложет.
Пятёрку за день заработаю, быть может,
решив шекспировское «бить или не бить».

Следует заметить, что текст песенки, несмотря на шуточный тон, был настоящим «криком души» Кузьмы Петровича. Пару лет назад любимая супруга Шерифа заявила, что она бесконечно устала от постоянной нехватки денег (а денежное довольствие главы отделения полиции действительно не приносило ни сил, ни бодрости), и уехала в Благолепинск. Тогда-то Шериф и попросил Рамона сочинить что-нибудь о деньгах.

Ах, деньги, деньги! Даже буквари
«Мы не рабы» твердят, а денег рабство,
скрывая от людей своё коварство,
влечёт, влечёт к себе, что там ни говори, —
глотнув в очередной раз из банки, спел Кузьма Петрович и перешёл к самой любимой части песни – припеву:

«Не в деньгах счастье, – говорят, – а в их количестве».
И это верно, чёрт меня возьми!
Ведь сколько нужно их отдельно взятой личности?
Да чтоб хватало на пивко наличности
без унижительной с домашними грызни.

Как ни был Кузьма Петрович увлечён пением, его чуткое ухо уловило лёгкий скрип, и в следующую секунду гитара отлетела в угол дивана, а в сторону двери уже глядел ствол табельного пистолета главы угорьевской полиции.

– Руки вверх!
– Но-но-но, Шериф!

Человек в дверях поднял одну руку, поскольку вторая была занята каким-то свёртком. Владыкин, не опуская пистолета, окинул взглядом фигуру – от белой бейсболки и тёмных очков до шорт и кроссовок – и опустил оружие.

– Входите, входите, профессор Хайдаров. Рад видеть вас в добром здравии.
– А я-то как рад! – с изрядной долей сарказма произнес профессор, проходя в кабинет и кладя свёрток на стол. – Особенно после встречи с рэкетирами.
– О-о! Неужто у вас хотели отнять вечный двигатель?
– Шутить изволите, Шериф. А между тем рэкет в Угорье чувствует себя весьма вольготно.

– Это вы шутите, профессор. С тех пор как вы уехали учиться в университет, а я – в школу милиции, о рэжете в Угорье никто и не вспоминал.

Владыкин хохотнул и спрятал оружие в кобуру под мышкой.

– Тогда и слова-то такого не было, – в том же тоне отозвался Хайдаров. – Просто взламывали киоски – и всё! Денег это, как ты помнишь, приносило мало, но и они были нужны...

Шериф посмотрел на гитару, сиротливо лежащую в углу дивана:

– Они и сейчас нужны. Даже больше, чем тогда.

Он взялся за потеплевшую пивную банку, глотнул содержимого, поморщился и бросил её в корзину. Встал с дивана, достал из холодильника пару свежих ёмкостей, протянул одну Хайдарову, другую открыл сам, сдул вылезшую пену, глотнул жидкой прохлады и лишь после этого продолжил:

– Чего тебе понадобилось в Угорье, Эйнштейн?

– Не забыл мое школьное погоняло? – Хайдаров тоже с удовольствием приложился к пиву. – Вернёмся к рэкету, дядя Стёпа. Я весело провёл полчаса в лавочке «Тодасё». А потом туда явились Крошка Рита и громила Федя Боксёр. Знаешь таких? Она только что из тюрьмы и сразу пошла по той же борозде...

– Что же они могли урвать в этой жалкой лавчонке?

– Ты присядь, Кузя, не то грохнешься с дяди-Стёпиной высоты – костей не соберёшь. – Хайдаров и сам уселся на стол возле свёртка, любовно погладил его, попивая прохладительный напиток.

Владыкин с удивлением посмотрел на него, но совету последовал, потому что рост его, и верно, соответствовал дяди-Стёпиному – не меньше двух метров, и падать не хотелось. Даже в переносном смысле.

– Ну, выкладывай свою сенсацию. Чем они поживились у тётки Тани?

– Взяли не меньше тридцати килограммов чистого золота, полученного из железа с помощью вот этого энергопреобразователя.

Шериф с минуту смотрел на профессора, который освободил устройство от дерюжки и теперь нежно прижимал его к груди.

– Что-то я не въезжаю, – сказал, наконец, глава угорьевских сил правопорядка. – Ты меня за дурака держишь или сам полный идиот?

– Я бы сказал, – ухмыльнулся Хайдаров, – да ты насмерть обидишься.

– Но-но! – грозно приподнялся Владыкин.

– Ладно уж, сиди. Ты вот такие гвозди видел? – Профессор вынул из кармана натуральный четырёхдюймовый гвоздь, только жёлтого цвета.

Шериф взял, прикинул вес и покрутил головой: тяжёл, однако. С сомнением глянул на приятеля.

– Ты на зуб, на зуб попробуй, – посоветовал тот.

Шериф ухватил острый конец гвоздя крупными зубами, крепко тиснул и... откусил. Уколол язык, как-то по-детски ойкнул и выплюнул откушенное на ладонь. Гвоздь оказался жёлтым насквозь.

– Убедился? – торжествующе спросил Хайдаров. – Час назад он был железным!

– Неужто правда золото? – внезапно севшим от волнения голосом произнёс Шериф. Он вскочил, выхватил у профессора преобразователь и ощупал со всех сторон. Руки его дрожали. – Из железа? С помощью этой штуки?!

– Осторожней, чёрт возьми! – вскричал Хайдаров. – Ещё нажмёшь не на то!

– Да тут нажимать не на что – ни крючка спускового, ни клавиши! Кнопки какие-то... Где ты его украл? Не сам же превращал железо в золото?!

– Если бы сам... – проворчал Хайдаров. – И не смей обо мне говорить «украл». Я всё-таки профессор!

– А я – майор полиции и знаю, что и профессора воруют. И не только в юности.
– Да пошёл ты... – Хайдаров спрыгнул со стола и забрал у майора прибор. – Я к тебе как к другу, а ты...

– Ладно, ладно... друг! Не украл, а одолжил. У кого? Кто, кроме рэкетиров, был в лавке? Кто превратил железо в золото?!

– В лавке был некий Кент Балагул, парнишка лет шестнадцати-семнадцати. В подсобном помещении скрытно находились я и школьник Сева. Его подружка убежала за полицией и привела в лавку полицейского... того, который поёт в кафе...

– Ромку Величко?

– Возможно. Но они появились уже после того, как всё случилось. Ну... после превращения железа в золото. Меня с мальчишкой тоже можно исключить. Остаётся Кент Балагул.

– Ну ты прямо Холмс! Такая дедукция! А кто такой Кент, да ещё и Балагул? – Шериф хотел ехидно усмехнуться, но вдруг посерьёзnel. – Постой, постой... Балагулы... Балагулы... Усадьба у Тихого омута...

– Про усадьбу эту, помню, отец говорил: проклятое место... – задумчиво произнёс Хайдаров. – И всё время прибавлял: мол, в Тихом омуте черти водятся.

– Вот именно – черти! Да мы же с тобой бывали там. Сколько нам тогда было? Десять? Двенадцать? Помнишь, воздух голубым светился, шарики горящие летали?... Я, уже в милиции, пару раз туда съездил. И знаешь, дом, конечно, обветшал, но не так чтобы очень, а двор чистый, будто каждый день метут, и бурьян не растёт.

– А шарики летают?

– Шариков не видел. Значит, говоришь, Кент Балагул... парнишка... Железо в золото превращает... – бормотал Владыкин, меряя кабинет шагами вдоль и поперёк. – Забавно... Откуда же у него такая машинка и как она работает?

Профессор повертел в руках прибор:

– Наверное, использованы интегральные схемы, квантовые преобразователи... Но откуда берётся энергия? Её же требуется невероятное количество! Неужели прав Никола Тесла и эфир существует?

– Какой там ещё Никола? – недовольно морщась, спросил Шериф. – Новый фигурант?

– Тесла – великий сербский учёный, – тоном лектора объявил Хайдаров. – Леонардо да Винчи двадцатого века! Он говорил, что вокруг нас эфир, а в нём скрыт неисчерпаемый океан энергии – надо только уметь её извлекать.

– Эфир – это который под нос суют, чтобы кого-то вырубить?

– Под нос суют другой эфир, а про этот великий Менделеев говорил...

– Говорить все умеют, – сварливо прервал Шериф, – а золото делает какой-то мальчишка. И если он может запросто скинуть бандюкам тридцать кэгэ, почему не подарить нам хотя бы по килограммчику? Или по два? А?

– Как ты это себе представляешь? Принесём ему эту штуковину – извините, мол, прихватили по ошибке...

– Ты прихватил. По глупости.

– Может, и по глупости. Но и возвращать – глупо! Будем пробовать сами. Если не получится, тогда что-нибудь придумаем. Есть у тебя что-то железное?

– Железное? – задумался Шериф. – Сейф есть... Вот шкаф железный...

Хайдаров отрицательно мотнул головой:

– Куда мы денемся с золотым шкафом? Давай чего помельче.

– Наручники есть. Годятся?

– Пожалуй, годятся. Давай их сюда.

Майор открыл упомянутый шкаф и достал пару наручников. Положил на стол. Игнатий Васильевич начал нажимать на кнопки, планки, выпуклости на корпусе прибора. Кузьма Пет-

рович следил за этими манипуляциями с нарастающей тревогой, и, как оказалось, не напрасно. При одном из нажатий что-то щёлкнуло, послышался свист, быстро перешедший в вой, затем гул. Тональность его понижалась, а громкость росла. Владыкин схватился за уши и сам заорал, видимо, от боли. Хайдаров беспорядочно елозил пальцами по корпусу преобразователя, пытаясь остановить звуковой натиск, и он вдруг прекратился. Но не прекратились вопли Шерифа, а к ним присоединились и другие – с улицы. Хайдаров выглянул в окно и увидел, как взрослые люди мечутся, схватившись за голову, и голосят, голосят...

– Странно, – сказал профессор. – Такое впечатление, что у всех одновременно заболела голова.

– Заболела?! Ты это называешь «заболела»?! – Владыкин хищно заозирался, явно стремясь найти что-нибудь тяжёлое. Но на глаза ничего подходящего не попадалось. Тогда он грохнул об пол подвернувшийся под руку стул для посетителей, да грохнул так, что тот рассыпался на детали, схватил ножку и ринулся на Хайдарова. – Убью, сукин ты сын!..

Профессор, не дожидаясь, пока глава полиции исполнит своё обещание, помчался от него вокруг стола, крича:

– Ты рехнулся! Я-то при чём?

Владыкин остановился, глаза его сверкали, по лицу струился пот:

– О-ох, это же невыносимо...

– Но у меня-то ничего не болит! – тяжело дыша, сказал Хайдаров.

– Тем хуже для тебя. Скажу людям, кто это устроил, и тебя распнут. Я сам буду гвозди вбивать в твои руки и ноги! Мерзавец!

Игнатий Васильевич, бегая вокруг стола, прибор из рук не выпустил и сейчас вдруг приложил его к уху.

– Вибрирует... Слушай, Кузьма, я, кажется, понял, в чём дело. Это – инфразвук. Он вызывает головную боль и панику. На меня он не действует – почему, не знаю...

– На тебя не действует, потому что у тебя мозгов нет. Выключай эту хрень, не то я разобью её о твою голову!

– Как?! Как я выключу?!

– А вот так! – Владыкин выхватил прибор из рук приятеля и грохнул его о стол.

Вылетели какие-то железки, и всё прекратилось.

– Уф-ф! – Шериф плюхнулся на диван. – Как хорошо-то, господи!

На улице тоже стихло.

– И что теперь делать? – спросил профессор, уныло глядя на останки волшебного устройства.

– Что делать, что делать! – Кузьма Петрович развёл руками и зацепил гриф гитары, лежащей в углу дивана. Пальцы сами ухватили его, гитара вмиг оказалась на коленях, и струны зазвучали в тон бодрым словам: – Искать Балагула и добывать золото.

А вслед за тем глава Угорьевского отделения полиции запел в полный голос:

Но деньги – деньги! Мне без них – нельзя:

ведь я не травка – солнышком питаться.

Они нужны мне, чтобы вновь и вновь пытаться

от них избавиться. И это – жизнь, друзья!

Игнатий Васильевич слушал, приоткрыв рот от удивления: никогда прежде он не замечал за старинным приятелем склонности к вокалу.

А Шериф, закончив сольное выступление, отложил гитару и заключил со вздохом:

– Может, и домашние у меня снова появятся.

Глава 9, *в которой усадьба у Тихого омута принимает гостей*

Слушать шёпот звёзд Даша, Варя и Сева отправились в усадьбу у Тихого омута. Решили совместить приятное с полезным. Рамон не смог – дежурил по отделению. Правда, он предлагал не спешить, а позже поехать вместе, но после событий в магазине и случившегося вечером того же дня всеобщего сильнейшего приступа головной боли, который внезапно начался и столь же внезапно кончился (Севка, кстати, немедленно связал его с исчезновением вандлера), им не терпелось во всём разобраться. По возможности. Взрослым, естественно, никто ничего не сказал.

Два километра на велосипедах по малоезженной просёлочной дороге – без грязи, пыли и колдобин – не езда, а сплошное удовольствие. Даже та мелкая колея, что была оставлена колёсами любителей пикников, поросла густой муравой, а за полкилометра от усадьбы и вовсе кончилась. Людей пугала нехорошая слава этого места, замешенная на чёрных слухах о чертовщине; образ колдовского убежища дорисовывали ветвистые дубы по обеим сторонам дороги на последнем полукилометре. Они образовывали сводчатый, довольно сумрачный тоннель, и приехавшие на весёлый отдых горожане, заглянув в не обещавшую уюта «трубу», предпочитали сворачивать к песчаным солнечным косам Сандайки. Там можно было искупаться, и рыбки поудить, и костерок разложить, и мангал установить для ароматных шашлычков.

Поскольку прослушивание звёзд, по предположению Севы, могло затянуться до полуночи и даже позже, тётя Таня отпустила Дашу под клятвенное слово юного рыцаря жизнь положить ради безопасности прекрасных дам. Варя же просто отпросилась у своей бабушки переночевать у подружки. Правда была тут одна неувязка: они предварительно не договорились с Кентом о ночёвке. Однако Севка уверенно заявил, что в большущей усадьбе наверняка найдётся уголок для приюта и что-нибудь более-менее мягкое для подстилки.

– Кент говорил, что Балагулы помешаны на добрых делах, вот мы и проверим, – заключил он.

Как бы то ни было, к дубовой аллее они подъехали, когда солнце уже ушло за кромку леса и под сводом ветвей сгущались сумерки. Несмотря на вечер, всю дорогу до «тоннеля» их оведал сухой и жаркий ветерок, а тут из тёмной глубины вдруг пахнуло плотной прохладой и сыростью. Ребята остановились в нерешительности.

– Как же мы в темень такую поедём? – спросила Варя. – Там же повороты могут быть или корни из земли торчат. Сверзисься с велика и что-нибудь себе сломаешь.

– Подумаешь! – фыркнула Даша. – Тоже мне, проблема, ёшки-матрёшки! Ножками пойдём.

– У меня вообще-то фонарик есть, – сказал Севка, – хотя тут он вряд ли поможет.

И словно в ответ на его слова, в «тоннеле» появился свет. Он напоминал лунный и проникал в аллею сквозь сплетение ветвей, придавая дороге меж дубов таинственно-сказочный вид. Притом освещения хватало, чтобы разглядеть под ногами даже отдельные травинки.

– Только воя волков не хватает, – поёжившись, сказала Варя.

– Опять ей неладно! – рассердилась Даша. – То темно, то волков не слышно! Это же Балагулы! Осветили нам дорогу – уже хорошо! Поехали!

Она первая прыгнула в седло и нажала на педали.

– Ты, Даша, последнее время стала какая-то не такая... – огорчённо сказала Варя, догнав подругу. По хорошо освещённой дороге ехать рядом было легко, Сева приотстал, так что разговор мог быть как бы секретным.

Даша глянула искоса:

– Какая не такая?

– Ну-у... – Варя замялась, подыскивая слово. – Дёрганая, что ли.

– Что, так заметно?

– Я заметила...

– Знаешь... – Даша оглянулась на Севу, далеко ли он, и вполголоса произнесла: – Мне кажется, на меня Кент влияет.

– Да ладно! – забывшись, громко воскликнула Варя. И добавила, уже гораздо тише: – А как же Рамон?

– Да я не в том смысле, – досадливо откликнулась подруга. – Понимаешь, когда Кент рядом, во мне начинает что-то ворочаться, словно кто-то внутри ищет выход... Ладно, потом скажу. Мы уже приехали.

Тесовые ворота были распахнуты. Ребята с удовольствием воспользовались возможностью на полном ходу влететь во двор и, не сговариваясь, лихо затормозить у высокого и просторного крыльца.

Крыльцо сияло свежеструганными плахами ступенек. По ним туманно-радужными полосами скользил свет больших шаров, плавающих в воздухе на разной высоте. Новые резные столбики поддерживали двускатную крышу крыльца, от них в обе стороны, огибая крыльцо, протянулись перила на фигурных балясинах.

– Ух, какой коллаб! – восторженно воскликнула Варя.

Дашка только взглянула на неё, ничего не сказала, но Варя поняла упрёк и помотала головой: больше не буду!

– Ничего себе! – пробормотал Сева. – А ведь сплошная гниль была!

Даша тоже озиралась с меньшим восторгом. Не прошло и полуминуты, как на крыльце материализовались хозяева. Материализовались – так по-научному выразился бы Сева, а для девочек они просто появились «из ничего».

На верхней ступеньке стояли Кент и высокая черноволосая женщина со строгим лицом; в ней ребята узнали его маму. Но стояли они не рядом: между ними оставалось пустое место, как раз ещё для одного человека.

– Там, наверное, папа Кента, – шепнула Варя Даше.

Её шёпот услышали все Балагулы. Кент невольно посмотрел на пустоту возле себя – пустота хохотнула. Сара Балагул кивнула, добродушно улыбнулась и сказала:

– Добро пожаловать в наш дом. Друзья Иннокентия – наши друзья, а Балагулы друзьям всегда рады.

Она повела рукой, разноцветные шары взлетели выше и разгорелись ярче, осветив скрытые до того сумерками стены дома из толстых брёвен, распахнутые настежь большие окна в узорчатых наличниках и множество разнообразных лесных птиц, рассеявшихся по карнизам. Из-за угла дома выглянул и скрылся олень с большими ветвистыми рогами. Варя успела заметить, что на его голове сидела и держалась лапками за отростки рогов рыжая белка с большим пушистым хвостом. «Интересно, как она смотрелась бы на плече папы-невидимки», – подумала Варя и в то же мгновение увидела ещё одного зверька, словно висящего в воздухе между Кентом и его мамой. От столь неожиданного исполнения желания Варя хихикнула, и зверёк исчез.

Между тем на приветствие надо было как-то отвечать. Ребята неуклюже поклонились, а Даша сказала:

– Кент, извини, что не предупредили, у тебя же телефона нет.

– А нам он и не нужен, – снова улыбнулась Сара Балагул. – Мы без телефона узнали о вашем приезде. Проходите в дом, будем чай пить. Или вы хотите осмотреться?

– Хотелось бы, – сказал Сева и смущённо кашлянул.

– Кент, – строго сказала хозяйка, – проведи гостей по усадьбе, покажи, расскажи...

– ...что сочтёшь нужным, – добавил голос из пустоты. – Но не увлекайся. А то я знаю: у тебя язык...

– Ладно, ладно, – перебил Кент. – Языки у нас с тобой одинаковы.

Он отвёл ребят в сторону, спросил вполголоса:

– Ну, чего вам тут осматривать? Двор как двор: свинарник, коровник, курятник – ничего интересного.

– А курей и прочих ты этим... вандлером вырастил? – иронически поинтересовалась Даша.

– Ну да. Не веришь – можешь посмотреть.

– Чего на них смотреть? То ли я дома не насмотрелась!

– А как вы так быстро с ремонтом управились? – спросил Сева.

– Да звери помогли. Батя с ними запросто ладит.

– Какие звери? Откуда тут звери? – тревожно оглядываясь по сторонам, поинтересовалась Варя.

– Да разные, их в лесу полно. Медведи... бобры...

– Ой! – тихо вскрикнула Варя и невольно прижалась к Кенту. Тот, успокаивая, обнял её за плечи, но тут же отстранился.

Варя с усмешкой взглянула на него:

– Опять обознался?

Кент покраснел, но ничего на это не сказал.

Они вернулись к крыльцу. Сара Балагул по-прежнему стояла наверху.

– Ну, всё посмотрели? Пойдёмте в дом, самовар уже заждался.

– А звёзды потом послушаем, ежели захочется, – добавил Кент. – Они тут не шепчут – орут!

Даша хотела спросить, откуда он знает про шёпот звёзд, но вовремя прикусила язык: если Кент запросто проходит сквозь стены и вот так, из ничего, появляется на крыльце, то узнать чужие мысли для него, да и для всех Балагулов, – плёвое дело!

– Правильно, деточка, – неожиданно подтвердил голос из пустого места. – Мысли человека обладают огромной энергией и ловятся очень даже легко. Любой человек может научиться – надо лишь захотеть и потренироваться. Желание и тренировка – главные правила в любом деле.

Ребята, хоть и догадывались, что невидимка может быть рядом, всё же почувствовали себя не очень уютно, словно вдруг обнаружили, что кто-то их подслушивает.

– Так вы всё-таки папа Кента, да? – голос Вари дрогнул: не каждый же день доводится разговаривать с невидимкой.

А тот хмыкнул:

– Что-то я не помню, называл ли он меня когда-нибудь папой. Батей недавно назвал – и на том спасибо. А то всё – «фатер», «фатер»...

– Я же не виноват, – смутился Кент, – что мы по разным странам шатаемся и на разных языках говорим. По-английски, к примеру, ты вообще не папа, а дэд.

Ребята засмеялись, оценив шутку Кента.

– А как мы должны вас называть? – деловито осведомилась Даша. – Мы же не можем обращаться: «мама Кента», «папа Кента».

– Ну, меня зовут Сара, мужа моего – Яков, – ответила хозяйка.

– А отчества?

– А-а, ну да, теперь и отчества полагаются. По именам отцов. – Сара задумалась. – Знаете, их сложно выговаривать. Зовите просто: Яков Иванович, Сара Ивановна. – И спохватилась: – Ой, что ж мы опять встали? Проходите, гости дорогие!

... Чаепитие было поистине сказочным. Чашки с блюдами сами выстраивались в очередь к начищенному до блеска самовару, краник открывался, наполняя их кипятком, расписной заварник добавлял ароматной заварки, и чашки, не расплескав ни единой капли, приплывали по воздуху на положенные места. На столе было полно всяческой вкуснятины – ешь не хочу! Плетёные корзиночки с различной сдобой не пустели: стоило взять пирожок или шанежку, как тут же на их месте появлялись новые. После второй выпитой чашки Сева вдруг сказал:

– А вы, Сара Ивановна, можете о вашей семье рассказать? Про нас-то вы наверняка уже всё знаете, – Сара и Кент дружно кивнули, – а мы про вас – ничего.

– Это у нас батя мастер байки сказывать, – усмехнулся Кент. – Заслушаетесь!

И верно, заслушались. По научно-историческим байкам Якова Ивановича выходило, что Балагулы под разными именами существуют аж со времен мифической войны богов и титанов.

– Это для нынешних людей она мифическая. А для наших прадедов была настоящая до ужаса! – рассказывал невидимка. – Американцы у вас вон две атомные бомбы сбросили, и ваш мир уже семь десятков лет о том поминает, а в те поры боги ими, как мячиками, швырялись. Титанам да им самим хоть бы хны, а людям человеческим досталось по самую маковку. Вот тогда и сбросили такую бомбу на город, в котором жили наши прадеды. А после войны тем, кто остался жив, боги наказ дали: смотрите, мол, что получается, в мире и так много зла, потому творите лишь добро. Даже драться запретили. Мой прадедущка получил наказ от самого Сёвеса. «Чем больше добра сотворишь, – сказал Севес, – тем дольше жить будешь».

– Севес – это уж не Зевс ли? – не удержался от уточнения Севка.

– Ну, Зевсом его потом греки прозвали. Меня тогда ещё не было, я родился в начале другой войны, Троянской.

– Это что же, вам больше трёх тысяч лет?! – ужаснулась Варя. Она очень быстро считала в уме.

Все Балагулы дружно рассмеялись.

– Всё относительно, – загадочно ответил Яков Иванович.

– Не бойся, детка, – ласково сказала Сара Ивановна. – Мой муж не Кощей Бессмертный.

– Слава богу! – облегчённо выдохнула Даша. Она тоже заметно испугалась.

– Кошеем звали батиного батю, – пояснил Кент. – Моего дедушку. Он сейчас спит где-то в Британии.

Севка поперхнулся чаем и закашлялся. Кент постучал ему по спине, останавливая кашель. Севка вытер выступившие слезы.

– А сколько тогда вашему сыну? – обратился он к Саре Ивановне.

– Иннокентию? – Она пошевелила губами, считая, потом махнула рукой. – Да мы как-то и не думали.

– Вот я и говорю: всё относительно, как у Эйнштейна, – добавил батя. – Молодой он ещё, несмыслённыш.

– Смыслённыш я, – обиделся Кент и встал. – Ну что, пойдём ко мне звёзды слушать?

Ребята разом вскочили, поблагодарив за угощение.

– Посидели бы ещё, – огорчилась Сара Ивановна. – У нас редко гости бывают.

– Очень редко, – вздохнул невидимка Яков Иванович. – Вы, юные господа, – первые за последние двести лет. И чего вам звёзды слушать? Они же все об одном говорят: знай, своими планетами хвастаются.

– Ёшки-матрёшки, они, что ли, живые? – остановилась Даша.

– Разумеется, живые, – подтвердил Яков Иванович.

– И наша Земля – тоже?!

– А как же! Живее всех! Во всех своих ипостасях.

– Это в каких? – мгновенно заинтересовался Севка. – У нашей планеты есть разные ипостаси?

– Батя! – предупреждающе произнес Кент. – Это лишнее.

– Ой, да вы идите, идите, – заторопился невидимка. – В другой раз обскажу. А я покуда полицмейстера вашего да профессора послушаю. Разговоры у них интересные. Энергичные! Всё про вандлер да про вандлер, который ты, сынок, прошляпил.

Глава 10, в которой астробфон проявляет себя с неожиданной стороны

Кент провёл ребят в свою комнату на втором этаже, щелчком пальцев зажёт светло-зелёный шар под потолком. Высветилась очень скромная обстановка: деревянная кровать, покрытая лоскутным одеялом, стол на четырёх толстых ногах и две табуретки. На стене висело единственное украшение – нарисованный на листе бумаги портрет удивительно красивой золотоволосой девушки с зелёными глазами. Вместо окна была наполовину застеклённая дверь, она вела на ограждённую перилами площадку – что-то вроде террасы. За нею мрачной стеной чернел ночной лес, над которым висела полная луна. Никаких огней – ни праздничных разноцветных, ни самых обычных уличных – в лесу не просматривалось.

Даша глянула туда, поёжилась и уселась на кровать. Варя примостилась рядом и уставилась на портрет; чем дольше она на него смотрела, тем знакомее казалось лицо красавицы. И наконец вспомнила. Похожий рисованный портрет, вернее, фотографию портрета она видела в альбоме бабушки. На вопрос Вари «Кто это?» бабушка небрежно ответила: «Кто-то из наших предков. Кажется, немка. У нас же в роду и немцы были. – Сравнила портрет и Варино лицо, добавила: – Ты на неё чуть-чуть похожа». Не бог весть какая информация, подумаешь, кто-то из предков. Варя не придавала ей значения и почти забыла, а вот сейчас она всплыла в памяти.

Кент заметил Варин интерес, спросил:

– Что, нравится?

– Кто это?

– Одна знакомая ведьма, – небрежно ответил Балагул. – По памяти нарисовал.

– Ведьма?! И ты сам нарисовал?! – изумилась Даша.

Кент с удовольствием кивнул и спросил промолчавшую Варю:

– Правда, на тебя похожа?

– Есть немного, – согласилась Варя и поинтересовалась: – Где ты её откопал?

– Встретилась там, – неопределённо махнул рукой Кент. – В Германии.

У Вари ёкнуло сердце: ведьма! в Германии! Только этого не хватало! Но она постаралась не показать своего волнения, хотя внутри всё затрепетало: уж не родственница ли обнаружилась? И нет ли в ней самой чего-нибудь от ведьмы?

Спросила как бы вскользь:

– Это ты с ней меня путал?

Кент смутился:

– Ничего удивительного. Я её видел всего однажды, а вы, и верно, похожи.

– А ты не знаешь, случаем, способности ведьмы могут передаваться через поколения?

– По женской линии могут. – Кент подозрительно посмотрел на Варю, на портрет на стене. – Думаешь, она имеет к тебе отношение?

– Всё может быть, – ответила Варя и отвернулась, прекратив разговор.

Тем временем Севка сел за стол и вытащил из сумки, висевшей через плечо (он с ней не расставался даже за чаепитием), коробку с астробфоном и приёмник.

– А куда же ты их подключишь? – спросила Даша. – Тут же нет электричества. И аккумулятор не взял!

– Даш, ты чего? – удивилась Варя. – Как это нет электричества? А откуда тут освещение? Да Кент, наверное, сам как электростанция! Правда, Кент? Щёлкнет пальцами, и всё заработает.

– Даже то, чего нет, – добавил Севка. – А мне что-то подсказывает попробовать вот так.

Он подключил астрофон к приёмнику, потом дотянулся до осветительного шара, благо рост позволял, и... воткнул в него вилку электропитания. Девочки ахнули, Кент посмотрел на Севку с нескрываемым удивлением, однако ничего не сказал.

Шар слегка потускнел, зато у приёмника появились признаки жизни: звенящий писк, прерывистое шипение... Севка подкрутил ручку настройки, и вдруг из динамика послышались голоса.

– Это... что?! Это звёзды... разговаривают? – прерывистым шёпотом спросила Варя.

Севка пожал плечами, а Даша насмешливо заявила:

– Что-то голоса у них уж больно знакомые.

И верно, голоса в приёмнике очень походили на те, что ребята только что слышали за столом. Да и раньше – на вышке. Варя бросила быстрый взгляд на Кента, но тот в полном обалдении замер, глядя на приёмник, и, похоже, ни на кого не реагировал.

А из приёмника доносился обычный семейный разговор. Сара Балагул пеняла сыну:

– Кент, мальчик мой, я понимаю: тебе захотелось покрасоваться перед красивой девицей. Но на глазах у всех превращать железо в золото! Так неосторожно! Что о тебе могли подумать?!

«Это ты, что ли, красивая девица?» – шепнула Варя Даше на ухо и прыснула туда же. Даша отодвинулась и покрутила пальцем у виска. Да ещё головой осуждающе покачала: ты, мол, дурочка и не лечишься.

– Там этот учёный профессор из губернии вандлер умыкнул, – сердито сказал Яков Балагул, – и сбежал, тать бесстыжий... Быстрее лани бежал, быстрее, чем заяц от орла!

– Что ж ты не вмешался? – обиженно отозвался Кент. – Как укор чинить, так первый, а как помочь оказать – не дождёшься.

– Интересно знать: что бы подумали обычные люди, вмешайся в это дело невидимка?

– Интересно другое, – сказала Сара Ивановна. – Что профессор будет делать с вандлером? Пожалуй, всё железо в округе пустит на золото. Вот чем твоё доброе дело оборачивается, сынок.

Сквозь шипение приёмника послышался басовитый смешок.

– А ты, отец, чего посмеиваешься? – рассердилась Сара. – Не мог ребёнку подсказать лишний раз, что нельзя нам, Балагулам, высовываться...

– А то я не знаю! – Это Кент. – Но ведь дедуля учил, что добро рождает добро, что надо помогать людям... Вот он бы за меня заступился.

– Дедуля неизвестно когда проснётся, – вздохнула Сара. – А люди сильно изменились. Они и раньше-то были не ангелы, а теперь даже самые лучшие больше думают о себе...

– Чему их учат, о том и думают, – снова хохотнул Яков.

– Ну чего тут смешного?! – окончательно возмутилась Сара.

– Извиняюсь. Это я представляю, что будет, если профессор всё-таки включит вандлер.

– А что будет? – насторожился Кент.

– Понимаешь, Кент, я тоже заглянул в эту лавку, когда вы там собачились, и слегка подправил нашу машинку. Да уж, кое-кому теперь не позавидуешь! – уже откровенно захохотал отец.

– Ну-у, ты, батя, кажись, перестарался... Слышите, какой в городе гвалт поднялся? На голову жалуются!

– Ай да профессор! Включил-таки! Вот что значит учёный человек!

– О-ох, что отец, что сын – одна семейка!

– Надеюсь, вандлер стараниями бати никого не убьёт!

– Разве я похож на убийцу?

– С той поры, как тебя сожгли на Гревской площади, – вздохнула Сара Ивановна, – ты вообще ни на кого не похож. Каким ещё боком это нам выйдет?! Как аукнется?!

– Я туда пойду исправлю, – заявил Кент. – Что они мне сделают? В Америке бы повесили, так уже было однажды. А в России линчевать не принято. Изобьют – потерплю. Главное – доброе дело сделать!

– В России на кол сажали. Но ради доброго дела можно и кол потерпеть, – снова хохотнул отец. – Дольше проживешь.

– А тебе, батя, стыдно должно быть! Пользуешься своей невидимостью и в ус не дуешь. – Послышался звонкий шлепок. – Мам, чего он дерётся?!

– Старших надо уважать, – объявил Яков Иванович, – невзирая на лица.

– Тем более что отца сожгли из-за нас с тобой, – добавила Сара.

– А дедуля сказывал: батя по глупости попался...

– Дедуля, конечно, прав, – вздохнул Яков. – Как всегда.

– Нет, не прав! Не прав! – возразила Сара. – Ты же меня и детей спасал, о себе не думал.

Пойдём, мой хороший!

Послышался скрип половиц: родители уходили.

– Мам, ты вот видишь батю, а я нет. Почему? – спросил Кент вдогонку.

– Любил бы, как мама, увидел бы, – ответил Яков, удаляясь.

– Любил бы... – проворчал Кент. – Я, может, тоже кого-то люблю.

На этом разговор оборвался, осталось только шипение и лёгкое посвистывание в приёмнике.

Некоторое время все молчали.

– Нехорошо получилось. Как будто мы подслушивали. Ой, как плохо! – виновато произнесла Варя, ни к кому, в общем-то, не обращаясь.

– А мне понравилось, – заявила Даша. – Сев, представляешь, как тебе полиция будет благодарна! С астрофоном они любое преступление расщёлкнут, как орешек.

И вдруг!..

– Это что же за машинка у тебя такая, уважаемый Сева? – «Живой» голос Якова Ивановича оказался таким громким, что все вздрогнули. – Неужто сам сделал?

– Батя, ты что тут делаешь?! – завопил Кент. – Мог бы и объявиться!

– Да погоди ты с пустяками! – видимо, отмахнулся отец. – Тут чудо научное! Слушать прошлые разговоры – такого даже мы не умеем! Как ты это сделал, парень? А?

– Я не знаю... – растерянно глядя на астрофон, произнёс Севка. – Я просто... хотел повысить чувствительность... и, наверно, переборщил.

– Ничего себе, переборщил! Настроиться на тончайшие вибрации эфира и перевести их в слышимый диапазон – это тебе не дурацкую болтовню звёзд ловить!

– А можно на нормальный язык перевести? – раздражённо спросила Даша. – Для особо одарённых.

– Да, объясните, пожалуйста, – попросил Севка.

Кент промолчал, а Варя просто кивнула.

– Объясняю. – В голосе невидимки появились интонации учителя. – Всё, что в мире – в этом или каком другом – происходит, не исчезает, а сохраняется в вибрациях эфира. И звуки, и изображения. Сохраняются они слоями. Сева подключился к самому свежему, верхнему слою. Если он придумает, как подключаться к более глубокому прошлому... к истории... Но это вряд ли возможно.

Невидимка помолчал, и этим воспользовалась Варя:

– А что такое эфир?

– Эфи-ир? – немного смущённо протянул Яков Иванович. – Ну... как тебе сказать... попростому... это среда, в которую погружены все миры Вселенной и всё сущее в этих мирах... живое и мёртвое...

– А дедуля говорил, что мёртвого нет, – возразил Кент. – Всё – живое, только каждое живое по-своему. И камни, и деревья...

– Дедуля, конечно, прав, – согласился отец. – Но не стоит так глубоко забираться. В общем, наш вчерашний разговор в этой комнате сохранился, и машинка вашего друга его повторила. Я и спрашиваю: как ему это удалось?

– Ёшки-матрёшки, он же гений! – торжественно объявила Даша. – Он будет великим учёным!

– Он – индиго! Новое поколение гениев! – в тон ей добавила Варя.

– Да ну вас! – покраснел Севка. – Сами вы индиго!

– А зачем ты воткнул вилку в светоносный шар? – вдруг спросил Яков Иванович.

– Не знаю. Кто-то в голове сказал: «Воткни». Я и воткнул.

– А позволь, я проведу лёгонькую проверку твоей головы?

– Да пожалуйста...

– Только ты не дёргайся, сиди спокойно. Всё будет хорошо.

Сева выключил астрофон и сложил руки на столе. Волосы на его голове пошевелились, словно их сначала взъерошили, а потом пригладили. Девочки, внимательно следившие за тем, что происходит, заметили, как менялось выражение Севкиного лица. Да не только выражение – менялось и само лицо. Сначала оно было округлым и безмятежным, но с каждой секундой удлинялось и становилось суровой и суровой, как у взрослого мужчины, обременённого тяжёлыми заботами. Черты грубели и заострялись, глаза словно погрузились в глубокие ямы и потемнели. Изменились и волосы на голове: до того светлые и слегка вьющиеся, они выпрямились и порыжели, стали похожими на волосы Кента.

Напуганная этими изменениями, Варя вцепилась в руку Даши, но и та была напряжена ничуть не меньше.

А вот Севка, похоже, ничего не замечал. Сидел не шелохнувшись, глядя куда-то вдаль поверх голов своих подруг. И – молчал.

Кент тоже молчал, хотя едва ли не подпрыгивал на табуретке от нетерпения. Ему хотелось вмешаться, однако прерывать отца он побаивался.

Так продолжалось несколько минут. И вдруг – закончилось! Лицо Севки мгновенно приняло прежнее мальчишеское выражение, он зашевелился и как-то криво улыбнулся девочкам. А те дружно и так шумно вздохнули, словно всё это время боялись дышать.

– Ну, что ты там нашупал, батя? – сразу же завопил Кент. – Чего молчишь?! Ты, вообще-то, здесь или уже смылся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.